

ЛЮБОВНЫЙ
ДЕТЕКТИВ

ЕЛЕНА
АРСЕНЬЕВА

ВЕДЬМА
ИЗ ЯБЛОНЕВОГО САДА

Елена Арсеньевна Арсеньева
Ведьма из яблоневого сада
Серия «Писательница
Алена Дмитриева»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161580

Аннотация

Писательница-детективщица Алена Дмитриева едет во Францию в гости к подруге. На месте, в Бургундии, в зарослях плюща Алена находит дневник преступницы Николь Жерарди, датированный 1767 годом. Как оказывается, за душевными излияниями порочной девицы Николь охотятся ее потомки со схожими наклонностями. Алене предлагают отдать заветную тетрадку в обмен на жизнь. Дмитриевой остается лишь принять условия французских шантажистов. Но на этом злоключения писательницы не заканчиваются...

Книга также выходила под названием «Дневник ведьмы».

Содержание

Наше время. Конец августа,	4
Наше время.	11
Из дневника Селин Дюбоннез,	21
Наше время.	29
Все тот же день	34
Из дневника Николь Жерарди,	46
Наше время.	56
Конец августа,	67
Наше время.	85
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Елена Арсеньева

Ведьма из яблоневого сада

У всякого безумия есть логика своя.
Вильям Шекспир

Наше время. Конец августа, Мулян, Бургундия

Шлеп-шлеп – гулко за окном. Топ-топ. Топ-топ и шлеп-шлеп... Тявкнул пес в соседнем дворе и тут же залился утробным ворчанием.

Старуха чуть сдвинула занавеску. Ну да. Она бежит. А псина глуп так же, как его хозяин! Старуха вчера утром сама видела, как Жоффрей, забыв свой разум и семьдесят прожитых лет, беззастенчиво млел, когда девка пробежала мимо ворот, а ее груди прыгали вверх-вниз, и майка даже не думала их сдержать. Ну и пес его тоже хорош! Ишь, так и бьется о забор своим раскормленным телом. Думаете, оттого бьется, что жаждет вцепиться девке в голую ногу или, еще лучше, в обтянутую шортами задницу? Как бы не так! Девка всего один раз его погладила, пошептала что-то в слюнявую морду, поулыбалась ему, будто это не бульдог с отвислыми щеками, уродливый до противности, а невесть какой красавчик, – и

все, он уже и руки ей лизал, и ноги. А когда она побежала – ну да, как раз вчера утром, точно, утром Жоффрей и вывел к ней своего Атлета, якобы псиной похвалиться, а на самом деле, конечно, на девку поближе взглянуть, – ну вот, значит, когда она снова побежала по дороге на Френ, Атлет завыл с такой тоской, будто потерял самую лучшую сучку на свете. А девка сучка и есть, по повадке видно. Надо же так, с одного раза, злющего Атлета приворожить, что он теперь в кровь бьется о ворота, скулит, лишь бы она его погладила. Но сегодня она точно хихикнула, ручкой помахала, крикнула что-то по-своему – нормальному человеку этого языка вовек не понять, варвары говорят на нем, варвары и дикари, да ведь русские и есть варвары и дикари! – и потопала-пошлепала дальше по лужам. Ишь, и непогода ей нипочем! А бульдог остался выть тоскливо... Ведьма она, сущая ведьма!

Старуха чуть было не плюнула с отвращением, но вовремя сообразила, что плевок угодит на кафельный пол ее собственной кухни, и не поленилась подальше отодвинуть шторку, чтобы высунуться и... Именно в ту минуту пробежавшая мимо девка повернула голову, и глаза их встретились.

– Бонжур! – крикнула девка со своим кошмарным акцентом и еще улыбнулась вдобавок.

Отвечать, конечно, не стоило. Но уж что вбито годами, десятилетиями, впитано с молоком матери, что стало почти потребностью организма для француза любого пола и возраста – так это необходимость сказать «bonjour» в ответ на

«bonjour» и произнести «pardon» в ответ на «pardon». От себя, как говорится, не убежишь! Старуха раскрыла рот, забыв, что он полон слюны, тут же спохватилась, снова захлопнула его, лязгнув старой, плохо прилаженной верхней челюстью, подавилась, закашлялась – и отпрянула назад, в дом, поскорей задернув занавеску, чтобы не видеть промелька сочувствия на лице девки.

Еще не хватало! Пускай подавится своим сочувствием!

Тут же старуха ощутила, что давится сама, – и разразилась наглым кашлем, задыхаясь и ничего не видя от слез, миготавших на ее набрякнутом морщинами лице.

Чертова девка! Проклятая русская дикарка! Ведьма!

Старуха наконец сплюнула в кухонную раковину, отдышалась, утерла лицо кружевным платком, сильно пахнущим лавандой (в шкафу лежали многочисленные саше с лавандой из собственного сада), – и вдруг ухмыльнулась.

Надо же, что творится! Она назвала девку ведьмой... А ведь не столь уж много времени назад ведьмой называли ее. И она только делала вид, будто обижается. На самом деле ничего оскорбительного в этом слове она не видела. Для нее было как комплимент – услышать за спиной сдвоенное: «La sorcière!» Судачили: мол, она и с резистантами уживалась, и с фашистами, и никто на нее руку не поднял, даже когда расстреляли пятерых жителей Муляна, заподозренных в связях с маки¹, а потом начали наголо стричь всех баб, к кото-

---

¹ Маки – так назывались французские партизаны, скрывавшиеся в горах и ле-

рым хаживали фрицы... Нечистое, значит, дело: всех вокруг пальца обвела! Судачили также, будто кто-то из ее прежних любовников (замужем-то она отродясь не была, да и кто б решился взять ее за себя, с таким-то гонором, это ж самому себя в могилу загнать!) оставил ей деньги, много денег... Иначе как объяснить то, что она жила, не ведая беды, даже в самые тяжелые послевоенные годы, да и вообще всегда? А может, коли она ведьма, то спала с самим дьяволом, а дьяволовым деньгам исходу нету, известно по старым сказкам. Ох, какого только змеиноного шепотка не слышала она за своей спиной, но никто так и не разгадал ее тайны. Лишь одному человеку удалось, он и осмелился сказать ей это в лицо. Ну и что? И где он, тот глупец?

Старуха пожала плечами и снова выглянула из окна. Девка на своих длинных ногах (такие длинноногие в бургундских краях – нелепость и редкость, словно журавли в гусиной стае!) уже невесть сколько отмахала. Как раз пробежала яблонево-ый сад на окраине Муляна. Жаль, пропустила интересный момент: как она воровато оглянется, наклонится, нашарит в траве упавшее яблоко. (Очень, очень много яблок нынешним летом, и яблок, и ежевики, и боярышника, значит, зима холодная будет, померзнут виноградники Жоффрея в горах, померзнут... да и черт с ними!) А девка, как найдет

сах (слово маки́ на Корсике означает заросли непроходимого кустарника); резистанта́ми же (от слова *Résistance* – Сопротивление) называли вообще всех участников антифашистского движения.

яблоко, оботрет о шорты, а потом, еще раз воровато обернувшись, откусит. И побежит дальше, жуя, откусывая снова и снова. И не подавится ведь!

Конечно, здесь, в Бургундии, яблоки невероятные, сочные, огромные, красные, у них там, у русских дикарей, конечно, такого не видели, вот девка и набивает живот тем, что ни один уважающий себя бургундец и в рот не возьмет: упавшим яблоком. Они ж только для коз, люди едят лишь сорванные с веток, росой покрытые, из них и сидр делают. А эта... Фу, ну и брюхо у нее! Луженое, вот уж верно – луженое. Дикарка, как было сказано.

Впрочем, яблоками отравиться можно только в сказках. Мачеха подсунула отравленное яблочко *Blanche Neige*, Белоснежке, ну, та и... А в жизни чаще всего другим чем-нибудь травятся. Грибами, к примеру. Вот говорят, будто в здешних лесах растет один такой гриб, почти неотличимо схожий с шампиньоном...

Старуха передернула плечами. Сырость, сырость недавно прошедшего дождя вползла в окно. Пахло августовской прелею, занавеска стала влажной, но старуха не опустила ее, а все смотрела вдаль.

Дорога скоро уйдет в низину. Со всех сторон ее обступили леса. Не слишком большие, лишь поля ограждают от дороги, но густые непролазно, все заплетенные плющом и заросшие низкорослым шиповником. Старуха помнила по прежним временам: когда идешь по дороге, гулкое эхо твоих

шагов отражается от плотной стены леса и отдается вокруг. Небось, когда девка бежит, ей чудится, будто кто-то – шлеп-топ, топ-шлеп... – преследует ее. И она дергается, озирается, трусит.

А может, и не трусит. И не дергается, и не озирается. Может, сам черт ей не брат. Бежит себе, изредка поглядывая на метки на асфальте, означающие, сколько километров она пробежала от Муляна и сколько еще осталось до Френа, до Нуайера, Сен-Жоржа или куда там она бежит. Бежит да какую-нибудь свою варварскую, дикарскую песенку распевает.

Старуха нахмурилась. Ей хотелось, чтобы русской девке было страшно, жутко, тревожно. И она, сильно нахмурившись, вспоминала, снова и снова вспоминала о том, как тяжело дышится между сырых стен леса, как бесприютно пошвистывает ветер при дороге, как неподвижно и тупо лежат по обочинам оранжевые и коричневые лимазы², словно бы кожаные, немного похожие на отрезанные перчаточные пальцы...

В такую сырость и непогодь плохо на лесных дорогах, плохо, упорно думала старуха. Чувствуется, что август – это последний летний месяц, а то и первый осенний. Листья начинают опадать. Ветер подберется сзади, закрутит их, просвистит за спиной... почудится, кто-то промчался на велосипеде, но обернешься – а там нет никого.

Нет? Никого нет?

---

² Лима з – слизняк -(искаж. франц.)

Старухе показалось, будто по спине ее прошлась чья-то ледяная рука. Она быстро отошла к разожженному камину и встала к нему спиной, мрачно глядя на кружевную занавеску, за которой медленно, словно нехотя, занимался пасмурный день, суливший близкий дождь.

Таким утром того и жди, что услышишь на лесной дороге шелест велосипедных колес, чье-то запаленное дыхание. В такое утро носится по дорогам вокруг Муляна призрак велосипедиста, а на сырых опушках вылезает из земли омерзительный и страшный гриб – белая бургундская поганка...

Наше время.

Некий день в начале августа, Москва

Невезуха – это что-то вроде курного носа. Пожизненная награда. От невезухи ничем не избавишься, а нос курносый ничем не исправишь. Конечно, есть такая штука, как пластическая операция... Но ведь ты все равно запрограммирован курносым. И век свой живешь именно так, как определено жить всем курносым: нелепо. Потому что нос твой нелеп. А вот если у тебя греческий, а еще лучше – римский профиль и носик с небольшой изысканной горбинкой (можно не с такой медальной, как у Ахматовой, а что-нибудь поскромнее), то и жизнь ты проживаешь необычайную и изысканную.

Алёна Дмитриева, героиня нашего повествования, не могла бы положить руку на сердце уверять, что жизнь у нее такая уж обычная. Однако нелепой ее вполне можно назвать. Может быть, из-за курного носа, которому вовремя не было произведено усекновения и который придавал ее физиономии нечто несуразное?

Что характерно, нос Алёны был курносым только анфас. В профиль же он смотрелся очень даже пряменьким и придавал ее профилю нечто... ну, не сказать аристократическое, но надменное, высокомерное и всякое такое. Профиль свой Алёна любила и, стоя перед зеркалом, всячески пыталась из-

вернуться так, чтобы им подольше полюбоваться. Для удобства однажды было даже куплено трехстворчатое зеркало, но буквально на другой день и расколото.

Пусть это и предрассудки – считать, что разбитое зеркало к несчастью, но у кого не дрогнет сердце при сборе зеркальных осколков?! Алёна Дмитриевна таких людей не встречала. Именно поэтому она некоторое время обреченно ждала наступления в своей жизни полосы несчастий. Полоса наступала и отступала, жизнь ведь полосатая, за черным идет белое. И наоборот. Алёна все терпеливо сносила, но, хоть продолжала любить свой почти аристократический профиль, больше трехстворчатого зеркала не покупала. Видимо, ее курносому и нелепому носишке возвеличивание его высокородной ипостаси пришлось не по нраву. Ну, он и начудесил с зеркалом. Алёна смирилась и теперь лишь изредка осмеливалась, сильно скосив глаза, полюбоваться своим изысканным профилем... И немедленно после этого, словно в отместку, жизнь ее начинала курносить.

Да вот хоть тот последний случай с терминалом на Курском вокзале.

Там в туалете – в том, который на первом этаже, – зеркала очень удобно расположены. Наблюдай за своим профилем сколько хочешь! Алёна так и делала, пока подкрашивала ресницы – в поезде не успела, проспала, а с ненакрашенными ресницами явиться в пир, в мир и в добрые люди она стыдилась (ну вот не удались у нее ресницы, что да, то да!).

А потом вышла в зал ожидания и вспомнила, что вчера не заплатила за мобильный телефон: уезжала, как обычно, в об-рез, уже такси стояло под окном, а она все еще швыряла по-следние вещи в чемодан. Ладно, сейчас и заплатит.

Удобнейшая вещь – терминалы для оплаты мобильных те-лефонов, верно? Натыканы деньгоприемные ящики везде и всюду, никуда не надо ехать, в очереди стоять не требуется, и платежи проходят мгновенно. Алёна любила платить через терминалы. Причем сам процесс оплаты (выбрать вид услуг, найти своего оператора, указать номер телефона, подтвер-дить его, сунуть в окошечко денежки, получить квитанцию) доставлял ей такое удовольствие, что она, если собиралась положить на свой счет пятьсот, к примеру, рублей, платила пять раз подряд – по сотне. Ну что ж, в каждом из нас, го-ворят, живет дитя малое, пусть даже ты взрослая (не сказать больше!), самостоятельная, состоявшаяся (хоть и несостоя-тельная) дама и почти известная писательница (широко из-вестная в узком кругу, как весьма удачно выразился какой-то остряк-самоучка, сейчас и не вспомнить, кто именно). Вот и в Алёне Дмитриевой задержалась девочка Лена Володина, какой она была когда-то. Задержалась и нет-нет да выгляды-вала на свет божий. Вот и сейчас Лена Володина и Алёна Дмитриева могли испытать кайф общения с терминалом – причем не раз, не два, даже не пять, а целых пятнадцать! Потому что положить на свой счет Алёна задумала полто-ры тысячи рублей. Ведь она уезжала из России на целый ме-

сяц, и не куда-нибудь, а во Францию. Конечно, на такой длительный срок лучше купить новую сим-карту в Париже, но пока-а еще ее купишь... А в роуминге деньги расходуются просто в клиническом количестве, и ведь всем известно, что хуже нет – вдруг оказаться без связи. Поэтому лучше подстелить соломки. Много соломки! Аж полторы тысячи соломок!

Итак, она нашла терминал, подождала, пока отойдет чернявый парень, заплативший пятьсот рублей одной бумажкой («Эх!» – с сожалением подумала Алёна), на мгновение задержалась взглядом на его широких, хоть и худых плечах, обтянутых тонким серым пуловером, удивилась вкрадчивой пластичности его движений: идет, как танцует! Потом нахмурилась, отгоняя некие неизбежные воспоминания из прошлой, давно умершей жизни, которые воленс-ноленс воскресали всякий раз при одном только, даже самом мимолетном, упоминании о танцах и танцорах, – немножко, самую малость, огорчилась, что парень скользнул по ней таким равнодушным взглядом (ну и пожалуйста, ему же хуже, ничего не понимает во взрослых женщинах!), и подступила к терминалу. Выбрала дурацкий логотип МТС (она была верна МТС много лет, что не мешало считать логотип этой сети дурацким, дурацким!), потом набрала свой номер и, повинувшись подсказкам, отправила в приемник первую сотню, нажала на надпись «Оплатить», приготовила вторую денежку... но тут запел ее мобильный телефон.

Звонила Марина – одна хорошая и милая барышня, которая жила в Париже, потому что была замужем за симпатичным французом по имени Морис и даже родила ему двух русско-французских девочек. Алёна дружила с ней и уже несколько раз побывала в гостях в ее очаровательном семействе, туда она собиралась и сейчас: и виза была готова, и рейс Москва – Париж уже сегодня вечером. Марина такая хлопотунья, такая заботница! Несмотря на то что Алёна старше ее больше чем на десяток лет, Марина считала ее своим дитем неразумным (ну, наверное, заслуженно считала, ей-богу!) и раз двадцать готова была напомнить, как именно нужно добираться от аэропорта Шарль де Голль. Алёна много раз ездила этим маршрутом и все прекрасно помнила: сначала сесть на бело-зеленый автобус с логотипом «Roissy bus», не перепутать с другой фирмой, другой автобус завезет невесть куда, доехать до улицы Скриба, что возле Оперá, а уж откуда до Марининого дома рукой подать. А идти по рю Лафайет да Лафайет и мимо «Галери Лафайет»...

Убеждая Марину, что она, Алёна, не так глупа, как могло показаться во время ее последних визитов ³, и уж никак не заблудится в прекрасном Париже, наша путешественница рассеянно смотрела на терминал, ощущая некое неудобство. Ей чего-то не хватало... Ага, чека, вот чего! Терминал не выдал чек, удостоверяющий, что оплата произведена. А

---

³ Эти истории можно прочесть в романах Елены Арсеньевой «На все четыре стороны» и «Поцелуй с дальним прицелом», издательство «Эксмо».

чек в наше время – о-очень важное дело. Ежели вдруг какие претензии возникнут, ну кто ты без чека? Никто! И слушать тебя никто и нигде не станет, даже и глядеть-то на тебя не станут! Поэтому Алёна почувствовала себя без чека очень неудобно. И еще одна настораживающая деталь: не меньше пяти минут прошло после оплаты, а на ее номер до сих пор не поступила эсэмэска о том, что деньги на счет зачислены. Конечно, пяти минут вроде бы маловато, поэтому Алёна не поленилась: закончив разговор, подождала и десять минут, и пятнадцать. Разумеется, она не стояла тупо около терминала, а покупала для Марины ее любимые московские конфеты – рот-фронтонские, красно-октябрьские и бабаевские: «Мишка на Севере» и «Ананасные», а также батончики «Халва в шоколаде» и суфле разных видов. И ждала, ждала... Но толку никакого: эсэмэска о зачислении денег так и не пришла. Тяжко вздохнув, Алёна потащила в салон «Евросети», расположенный здесь же, на первом этаже Курского вокзала, заплатила все деньги сразу строгой барышне в униформе, получила чек, спустя буквально три минуты приняла эсэмэску о том, что сумма на ее счете изрядно увеличилась... и окончательно смирилась с мыслью о потере первых ста рублей.

– Терминал не работает, – пожаловалась она барышне. – Сожрал мою сотню – и не поморщился.

– Да, такое сплошь и рядом случается, – кивнула барышня. – Ой, смотрите, какой-то тип деньги из аппарата вынимает... Наверное, он как раз из их фирмы, кто еще в ящик

полезет. Вот вы ему и скажите свое «фэ». Или пусть он вам вашу сотню отдаст.

– Да у меня чека нет, – вздохнула Алёна, – не поверит.

– Попытка не пытка, – уверила добросердечная барышня. Да ведь и в самом деле!

Алёна, волоча за собой чемодан, вернулась к терминалу и сказала в широкую, плотную спину человека, склонившегося над ним:

– Извините, этот аппарат только что забрал мою денежку, а чека не отдал...

Спина разогнулась, повернулась – и Алёна увидела ее обладателя. Он был такой типичный ретро-качок, что даже смотреть скучно. Сразу вспоминались боевые девяностые годы, широченные штаны с мотней, висящей чуть не до колена, тусклые кожаные куртки и тусклые глаза, покатые плечи, бритые головы, тупая ярость в каждом слове... Все было один в один, кроме кожаной куртки. Все же на дворе конец августа, очень жаркого августа, так что вместо куртки на качке была черная, но тоже тусклая футболка. И в довершение образа у него была свежая царапина на ухе, словно кто-то вот только что провел по нему булатным вострым ножичком. Готовый типаж для киношки по романам Бушкова!

– Я тут при чем? – буркнул ретро-качок. – Звоните в фирму.

Он махнул на терминал и торопливо пошел прочь, воровато косясь на Алёну и засовывая деньги в карманы своих

широченных ретро-штанов.

«Я бы ничуть не удивилась, если бы оказалось, что он просто-напросто обчистил автомат!» – подумала наша героиня. Собственно, она бы не имела ничего против этого: автомат обчистил ее, ретро-качок обчистил автомат, фирма получила по заслугам. Экспроприация экспроприаторов, так сказать! Но если так, то ведь и ее сотня тоже украдена. И поди теперь докажи, что она платила. А может быть, внешность ретро-качка обманчива? Вот ведь и у Алёны она очень даже обманчива. С виду тако-ой милый свежий цветочек, а в натуре... нет, конечно, она не божий одуванчик пока еще, но все же и не такая легкомысленная тридцатилетняя девочка-припевочка, какой может показаться на первый беглый взгляд. Именно потому, что Алёна помнила: внешность весьма обманчива! – она поискала на желтом сверкающем боку автомата номер телефона фирмы, которой он принадлежал, и набрала его по своему мобильному.

Сначала долго никто не брал трубку. Потом включился автоответчик:

– Вы позвонили в фирму «Терминал-сервис». К сожалению, сейчас все диспетчеры заняты. Вы можете оставить свое сообщение после гудка или перезвонить попозже.

Алёна задумчиво посмотрела по сторонам. Позвонить попозже? Да она забудет как пить дать. Довлеет дневи злоба его, а злобы, то есть дел и хлопот, у нее сегодня невпроворот. Просто невпроворот! Поэтому она торопливо – гудок

уже отзвучал – проговорила:

– Ваш терминал, который находится на Курском вокзале, не выдал мне чека на сто рублей, и сообщения о зачислении денег на счет я тоже не получила, и даже сотрудник ваш, который деньги из терминала изымал, качок в черной майке, бритый такой, с порезанным ухом, отказался со мной разговаривать и принимать претензии. Если вы, господа, качаете таким образом деньги из народа, то это свинство, товарищи! Впрочем, искренне надеюсь, что произошло случайное недоразумение и скоро я получу сообщение о поступлении денег на мой счет. Сообщаю мой телефон... Можете позвонить и принести свои извинения!

Выговорив все одним духом (за словом, как устным, так и письменным, Алёна Дмитриева отродясь не лезла в карман!), она сунула телефон в сумочку и двинулась ко входу в метро, размышляя: а за каким чертом она, собственно, звонила в «Терминал-сервис» и зывала к совести его обитателей? Что, у нее последняя та сотня, чтобы из-за нее так надрываться и хлопотать?! Честно говоря, имелась у нашей героини такая черта: при всем своем патологическом транжирстве и клиническом неумении *наживать* деньги она вдруг начинала порой экономить на спичках. И довольно бестолково, надо сказать: ведь она сейчас в междугородном роуминге, время же днем самое дорогое, так что, заботясь о несчастной сотенке, кинула псу под хвост почти столько же!

А, ладно! Алёна выбросила эту дурь из головы (она, меж-

ду нами говоря, виртуозно умела выбрасывать из головы все ненужное... и нужное, кстати, тоже, из-за чего бывала на редкость забывчива, порой до одури) и даже не подозревала, что из-за кретинской, жалкой сотни только что подвергла свою жизнь такой опасности, какой не подвергала ее ни разу... Пожалуй, ни разу с тех самых пор, как родилась!

Из дневника Селин Дюбоннез, 1965 год, Мулян, Бургундия

Иногда меня поражает человеческая тупость. Вернее, невнимательность. Никто, ну вообще никто ничего, ну вообще ничего не видит дальше своего дурацкого носа. Не видит и не помнит. И все бредни, которые можно прочесть в романах о том, как человек через много, много лет узнает своего обидчика и начинает ему страшно и ужасно мстить, — воистину бредни, выдумки досужих писак.

Очень забавно я себя чувствовала, сидя сегодня напротив Жоффрея. Все-таки привлекательный мужчина. Был несурзным мальчишкой, потом нелепым юнцом, а теперь так преобразился. И курица Жанин ему совершенно не подходит. Ему нужна настоящая женщина! Женщина с характером и с таким же огромным жизненным аппетитом, как у него. Но это у них в роду — жениться на курицах. Я ведь отлично помню Лазара, его отца. Он был потрясающий мужчина. А его Мадлен была просто ничто. Но очень хитренькое ничто. Лазар не мог понять, каким образом Мадлен умудрилась забеременеть. Что-то такое плел, мол, она сама залезла к нему — то шалаш на виноградниках, когда он ходил на встречу со связным маки. Все может быть: Мадлен-то была курица, но ведь курица всегда к себе гребет. А может, врал он, строил

из себя такую невинность, чтобы я не бесилась. Но... я бесилась!

Теперь Лазара давно нет, Мадлен никого другого себе не нашла и корчит из себя вдову резистанта. Ей так и не удалось добиться, чтобы Жоффрею дали фамилию Лазара – тот был Барон, а Мадлен и Жоффрей – Пуссоньер, но все знают: Лазар женился бы на Мадлен и сын его родился бы в законном браке, если бы за несколько дней до того, как союзники высадились в Нормандии и гитлеровцы начали паковать чемоданы, Лазара не поставили к стенке... К той самой, что неподалеку от часовни на перекрестке, почти в центре Муляна, она теперь увита виноградом... Ох и вкусный там растет виноград! Его никто не рвет – кому нужен дичок, когда у каждого в садах или на полях отличные, элитные сорта? – но я иногда незаметно отщипну ягодку-другую. Какая сладость! Может быть, кровь мужчины, которого я когда-то любила, придает ягодам невыразимую сладость прощального поцелуя?

Красивые слова – прощальный поцелуй... Но мы так и не обменялись им с Лазаром. Я стояла в толпе, когда его вели на расстрел. Он взглянул на меня, но словно бы не увидел. Близость смерти уже затуманила его взор. Он только один раз вскинул голову и крикнул: «Пусть капитан спросит матроса!» И обвел толпу глазами, но словно бы никого не увидел, в том числе и меня. Я была близко, я смотрела в его глаза, но он не заметил меня, не узнал...

Вот точно так же и Жоффрей не узнал меня сегодня в Ну-

айере. Я смотрела ему в глаза, он взглянул на меня, наклонился, выпрямился... и пошел дальше.

Я растерялась, потому что не была готова к встрече: ну какие дела могут быть у Жоффрея в Нуайере среди бела дня, когда здесь бродят только туристы? Хотя, конечно, следовало ожидать, что я когда-нибудь наткнусь на кого-то из Муляна. Сердце у меня так и сжалось, так и ухнуло! И все же я без страха смотрела в глаза Жоффрея. Я не собиралась прикрывать лицо, я не собиралась что-то униженно бормотать в свое оправдание. Скорее я готова была вцепиться в его лицо ногтями! Пусть бы только посмел бросить мне хоть слово упрёка!

Но его счастье...

Он пошел к своей машине, стоявшей у собора. Оттуда, скромно опустив глаза и отирая платочком влажные после святой воды пальцы, выходила Жанин. И так, эта клуша еще и святоша! Я тогда была готова держать пари, что именно она заставила мужа привезти ее в разгар дня в Нуайер, бросив все дела. И нынче вечером во время аперитива выяснилось, что я оказалась совершенно права. Наша курица ощутила, что, кажется, готова снести яичко! Жанин почувствовала себя «в интересном положении»!

Ненавижу это жеманство. Что там особо интересного, в том положении? Судя по зеленоватому, отекающему личику Жанин, ее мутит круглыми сутками, вот и весь интерес.

Так вот: Жанин очень боится потерять ребенка, которо-

го с таким трудом зачала, и кто-то напомнил ей про старинный обычай: трижды пройти под городскими воротами Науайера. Ну она и погнала немедленно мужа исполнять дурацкий обряд. А для надежности решила еще и в собор зайти. Жоффрей не стал ее сопровождать, он решил прогуляться и... наткнулся на меня.

И не узнал.

Ох как я тряслась от смеха, глядя ему вслед! Правда, сначала-то я немного потряслась от страха, а уж потом так и зашлась хохотом. Просто давилась им! Боялась, кто-нибудь заметит мое веселье, но повезло: рядом никого не оказалось. А потом пошли туристы от обедни (они любят слушать орган), и мне стало не до Жоффрея.

А вечером я сидела в его доме, в уютном уголке около камина, положив голову на накрахмаленный, несколько пожелтевший от времени антимакассар⁴, связанный, если не ошибаюсь, еще бабушкой Мадлен (у меня тоже есть нечто подобное, и мне нравится думать, что ее когда-то связала Николь, «безумная Николь»). Сидела и, с наслаждением лоя каминный жар (нейлоновые чулки ведь совершенно не греют, они не для таких холодов, какие стоят нынче!), размышляла о том, что люди ничего, совершенно ничего не замечают и не видят вокруг себя. Может быть, это и плохо, но меня

---

⁴ Антимакассар (искаж. франц.) – кружевная салфетка, положенная на спинку кресла там, где ее касается голова человека. Придумали такие салфетки в старину для предохранения мебели от масла или брильянтина, которыми смазывали волосы, пытаясь придать им гладкость.

это вполне устраивает!

Я благостно улыбнулась и только потянулась к рюмочке ратафьи ⁵, которую Мадлен делает непревзойденно, отдадим ей должное, даже лучше, чем я, как меня посетила мысль, несколько подпортившая мое чудесное настроение: Николь тоже была уверена, что ее никто не замечает и не узнает. А чем все кончилось? Кончилось ее последними словами: «Сколько веревочке ни виться...»

И меня вдруг охватило острейшее желание перечитать ее дневник. Когда-то я знала его чуть ли не наизусть, ну а потом он исчез. Его спрятал Лазар, но не успел рассказать никому о том, куда спрятал. В старой тетради, в кожаном, мягком, очень потертом переплете были на последних листках сделаны его шифровальные записи... для конспирации, так сказать. Мальчишки, глупые мальчишки, вот кто они были, наши маки! Мальчишки, заигравшиеся в опасные, слишком взрослые, жестокие игры! Ну и все исчезло бесследно: и записи Лазара, и записки Николь.

Сколько раз приходил ко мне Легран, командир Лазара (кстати, и друг его, потому-то он и знал о нашей связи, знал, что мы любовники, что Лазар доверяет мне все на свете, даже тайны резистантов), приходил и умолял найти шифровальные записи. И когда я говорила, что не знаю, где они, он страшно злился и орал на меня. Иногда начинал размахивать

---

⁵ Ратафь я – в Бургундии – крепкий домашний напиток, что-то вроде виноградной водки.

вать кулаками и, чудилось, едва сдерживался, чтобы не ударить. Как-то раз за пистолет схватился, за точно такой же «байярд», какой был у Лазара. Но я только плечами пожала. И вовсе не потому, что я такая храбрая. Я действительно не знала, куда Лазар спрятал дневник Николь вместе с шифрованными листами. И до сих пор не знаю! Может быть, знал Матло, не зря же Лазар кричал перед смертью: «Пусть капитан (то есть Легран) спросит матроса!»⁶ Они были вместе в тот вечер, когда Лазар мог спрятать дневник. Но Матло той же ночью погиб – подорвался на mine, которую сам же ставил на железной дороге. Спросить было уже некого, но Лазар об этом не знал...

Легран обошел потом всех соседей Лазара, к которым тот мог зайти тем вечером, когда его схватили гитлеровцы. Лазар вместе с Матло был у Волонтье, своих дальних родственников, у Брюнов (его кузина Маргарет попросила прочистить водосток над крыльцом, который все время забивался... он так и продолжает забиваться по сей день, плохо Лазар его прочистил, на него уже все рукой махнули!), был у Женевьевы, вдовы своего покойного брата. Он часто заходил к Женевьеве, чтобы поиграть со своим племянником Рене. Многие, как и я, были уверены, что Рене не племянник, а сын Лазара, а Женевьева как была его подружкой до свадьбы, так и оставалась любовницей после оной... Но никто не видел в руках Лазара тетради, никто не замечал, чтобы Лазар

---

⁶ По-французски le matelot – «матрос».

что-то спрятал в их доме. Еще он с Матло ходил к нижним загонам, где держал своих коз старый Марк, и долго гулял с ним по дорожке, ведущей к старой мельнице. И я, к примеру, думаю, что спрятал он тетрадь именно там. Если бы мне понадобилось где-то сохранить секретные документы, я бы точно выбрала старую мельницу!

Сначала Легран со своими маки́, потом я собственноручно перерыли там все. Я даже заметила поднятый и уложенный на свое место дерн: что и говорить, Легран искал тщательно. Но ни он, ни я — мы так ничего и не нашли. И реликвия моей семьи, дневник, который сыграл столь странную роль в моей жизни, пропал! А ведь я пишу свой дневник именно потому, что так поступала когда-то Николь Жерарди, моя прапрабабка, вернее, родная сестра моей прапрабабки по материнской линии. Думаю, она возродилась во мне... А может быть, наоборот: я существовала в ее теле в те давние времена, когда та часть нашей семьи, к которой принадлежала Николь, была богата, жила в Париже, когда превратности судьбы и неудачный брак еще не занесли мою бабушку Селин в бургундскую глухомань. Кстати, меня называли в ее честь. Вот жалость-то! Я бы предпочла зваться в честь Николь, но ведь у новорожденных никто не спрашивает, чего они хотят...

Как же мне не хватает Николь! Конечно, я помню всю историю ее жизни, но чтение ее дневника было для меня словно бы общением с человеком, который меня абсолютно понимает и во всем одобряет. Мы с ней совершенно одинако-

вые, мы так похожи... Думаю, она порадовалась бы, глядя на меня.

Даже не знаю, чего бы я только не дала, чтобы найти дневник Николь. И не только потому, что больше всего на свете хотела бы прочесть его снова. Если он попадет сейчас в чужие руки... это может стать очень опасным для меня. Слишком во многом следовала я той дорогой, которую проторила Николь! А впрочем, чего я боюсь? Бедняжка Лазар так ничего и не понял, так и не догадался о причинах, по которым угодил в засаду, а ведь он читал дневник Николь, он знал, что мы родня... Легран мог оказаться догадливей и осторожней, мне повезло, что он тоже ничего не понял, не нашел ни дневника, ни связи... Да нет, вряд ли кто-то усмотрел бы какую-то связь... Люди глупы, невнимательны и неприметливы.

Вот и великолепно! Меня это вполне устраивает!

*Наше время.
Тот же день в начале
августа, Москва*

– Стас? У нас проблемы. Большие проблемы. Слушай, сейчас запись пройдет, принимай инфу.

«Ваш терминал, который находится на Курском вокзале, не выдал мне чека на сто рублей, и сообщения о зачислении денег на счет я тоже не получила, и даже сотрудник ваш, который деньги из терминала изымал, качок в черной майке, бритый такой, с порезанным ухом, отказался со мной разговаривать и принимать претензии. Если вы, господа, качаете таким образом деньги из народа, то это свинство, товарищи! Впрочем, искренне надеюсь, что произошло случайное недоразумение и скоро я получу сообщение о поступлении денег на мой счет. Сообщаю мой телефон... Можете позвонить и принести свои извинения!»

– Не понял...

– Чего тут непонятного? Наш терминал на Курском разбомблен.

– Погоди, да я ведь только что...

– Ну вот он и разбомблен по горячим следам.

– Ты хочешь сказать, что за мной был хвост? Да ты что? Ты просто рехнулся, если такое...

– Заткнись, Стас. Не разбухай. Не то лопочешь. Сейчас строго факты: терминал вскрыт, деньги и все прочее взяты.

– А если это вранье?

– Было бы здорово... Ты сейчас далеко от терминала?

– Да нет, я тут зашел кофе попить.

– Козлина! Сто раз говорено было: сделал дело – ноги в руки! А он – кофе попить... Убил бы на хрен!

– Придержи язык, ты! «Козлина...» От козчины слышу!

– Ладно, прекратили. Даже хорошо, что ты такой кофеман оказался. Живо к терминалу, понял? Не отключайся. Давай, держи меня постоянно в курсе.

– По шагам, что ли? Ну, вот я вышел из кафешки на втором этаже... спустился по эскалатору... прошел через нижний зал... вот салон, где мобильниками торгуют, вот терминал. Открывать, что ли?

– Открывай. Ну! Что молчишь? Я же сказал, держи меня постоянно в курсе!

– Пусто. Деньги взяты.

– Так... Это точно?

– Я же не слепой.

– А я еще надеялся...

– На что? Что я ослеп вдруг?

– Да нет, что тетка, которая звонила, просто развлекалась. Мало ли, знаешь, какие понятия о чувстве юмора у людей! Но чудес не бывает... Ладно, хватит причитать, слушаем запись еще раз.

«Ваш терминал, который находится на Курском вокзале, не выдал мне чека на сто рублей, и сообщения о зачислении денег на счет я тоже не получила, и даже сотрудник ваш, который деньги из терминала изымал, качок в черной майке, бритый такой, с порезанным ухом, отказался со мной разговаривать и принимать претензии. Если вы, господа, качаете таким образом деньги из народа, то это свинство, товарищи! Впрочем, искренне надеюсь, что произошло случайное недоразумение и скоро я получу сообщение о поступлении денег на мой счет! Сообщаю мой телефон... Можете позвонить и принести свои извинения!»

– Качок в черной майке, бритый, с порезанным ухом? Что за ерунда?

– Вовсе не ерунда! Ты что, не понимаешь, кого описывает тетка? Ведь Крошку же!

– Какую крошку? Крошку чего?

– Заткнись, балда! Нашелся тоже, остряк-самоучка. Главное, «Крошку чего»... Напряги *моську* ! Помнишь, был такой чистильщик автоматов с пепси и всякими печенюшками? Бомбил их почему зря, у него даже и команды не было, он сам-один успевал напакостить только так.

– Погоди, погоди... Конечно, как я мог забыть! Его рожа даже на всех стендах «Их разыскивает милиция» висела. Да ведь вроде его разыскали-таки и даже посадили? Хотя нет, кажется, его кто-то крепко наказал... пришили бедолагу.

– Да, проходил такой слушок. Ну, значит, слушок был, и

не более того. Или выпустили Крошку. И он опять пошел бомбить, теперь терминалы.

– Слушай, Юлий, а почему у него погоняло такое, Крошка? Типа, курочка по зернышку клюет? Там денежку, тут денежку...

– Нет, тут проще. Фамилия у него – Крошкин, вот и все. А насчет зернышка ты прав... Правда, сейчас поганая курица склевала зернышко не простое, а золотое.

– Главное дело, судя по времени звонка тетки, я только-только отошел от терминала. То есть он нашу инфу взял сразу, тепленькую еще! И пошел небось с этой бумажкой в ближайший кабак.

– Ну, насчет кабака я слабо верю. Где у нас еще терминалы?

– Забыл? Метро «Площадь Революции», метро «Аэропорт».

– Немедленно двигай туда. Сначала по радиальной на «Площадь Революции», осмотрись там живенько, потом сразу пересаживайся на Горьковско-Замоскворецкую линию и двигай на станцию «Аэропорт». Не исключено, ты еще успеешь Крошку перехватить.

– Да ты что? Я его в глаза не видел! Кого мне перехватывать прикажешь?

– Тебе же сказано было: «Качок в черной майке, бритый такой, с порезанным ухом».

– Ну и что? Да таких качков в Москве знаешь сколько!

– Знаю. Но тебе нужен из всех из них один-единственный. Потому что у тебя один-единственный шанс, понял? И если ты его не используешь, если Крошку не найдешь, тебе останется только пойти и прыгнуть с Крымского моста.

– А почему с Крымского?

– Ладно, можешь выбрать любой другой. Но это будет последнее, что ты сможешь выбрать в жизни!

– Да погоди! При чем тут я? Я свое дело сделал: передал информацию. За работу терминалов отвечаешь ты. Ты, Юлий!

– Я – диспетчер, понял? Ты – исполнитель. Вот и исполняй, пока ситуация еще не пошла вразнос окончательно. Сейчас ты болтаешь, а время идет!

– Но ты соображаешь, что я могу просто не найти того Крошку? Иголку в стоге сена легче найти, чем...

– Теряем время.

– Ладно. Что мне с ним делать, если найду?

– Следи за ним и сразу свяжись со мной.

– Уговорил, пошел я. Но только...

– Теряем время!

Все тот же день в начале августа, Москва

Ужасный город, честно... Стыдно, стыдно признаваться, но Алёна Дмитриева не любила Москву. Ни как сын, ни как дочь, ни как русский (или русская, нужно подчеркнуть) не любила. Ни пламенно, ни нежно. Не станем выяснять причины сего явления, чтобы не оскорбить многочисленных москвичей, весьма уважаемых и автором, и героиней, а просто констатируем факт нелюбви Алёны к столице. И нелюбовь ее резко обострялась, когда ей приходилось тащить тяжелый чемодан по лестницам и переходам Московского метро. Пусть даже чемодан на колесиках. Ох, сколько лестниц там на кольцевых и радиальных линиях! Не эскалаторов, а именно лестниц со ступеньками! Ох, сколько народу надрывается ежедневно на тех лестницах и ступеньках...

«Не нравится – езжай на такси», – могут сказать возмущенные метростроевцы и москвичи вообще. Но... ведь дорого, вот что! Дорого, долго и чревато реальной возможностью так застрять в пробке, что опоздаешь везде и всюду, куда надо и куда не надо. Поэтому Алёна, ворча и пыхтя, волокла свою сумку, набитую вещами личными, а также многочисленными подарками – русская водка, русские конфеты, русская икра (только красная, черную могут отобрать бдитель-

ные французские таможенники), русские книжки для подрастающих русско-французских девочек и для их мамы Марины и так далее. И доволокла-таки до поезда, который сначала довез ее до «Площади Революции», а там, перебравшись на «Театральную», она оказалась на Горьковско-Замоскворецкой линии, по которой ей надлежало следовать до станции «Речной вокзал», чтобы пересесть там на маршрутку до аэропорта Шереметьево-2. Наконец Алёна оказалась в вагоне – и на некоторое время перевела дух.

Сумка так и сяк выворачивалась из рук. Она вообще была очень причудливая: с полосатыми колесами, которые перемигивались разноцветными огоньками, вся разбойно-красная, вызывающая, огромная, вальяжная – и невыразимо удобная и вместительная. Причем самым своим видом она вызывала у Алёны самые что ни на есть приятные воспоминания. Сумка была куплена случайно, и не где-нибудь, а в Париже. То есть Алёна давно подумывала о покупке нового чемодана, но пока не ощущала радикальной необходимости. И вдруг... Как раз в то время Алёна в очередной раз гостила у Марины, и гощение совпало по времени с приучением крошки Лизочки к горшку.

А что такого? Почему бы не побеседовать в детективном романе о приучении двухлетнего ребенка к горшку? Пустяки, дело, как говорится, житейское!

У наших, у русских, детей сей процесс начинается раньше. У французских же, приученных к удобнейшим пампер-

сам, он обычно затягивается. Вот и у Лизочки затянулся. Причем девочка очень скоро поняла, что писать в штанишки – плохо. Поняла, приняла близко к сердцу, но... никак не могла заставить себя проситься. Процесс происходил самопроизвольно, вокруг Лизочки, которой перестали в воспитательных целях надевать памперсы, образовывалась лужа, а из глаз начинали струиться слезы – от осознания собственного несовершенства. Поэтому, отправившись на прогулку с Лизочкой, то мама Марина, то Алёна периодически спрашивали ребеночка: «Хочешь на горшок?» Но получали неизменно отрицательный ответ.

Прогулка затягивалась, вопросы сыпались все чаще. Но Лизочка качала головой. Иногда недоверчивые Марина и Алёна поочередно хватали ребенка, стаскивали с него трусишки и «высаживали» под ближайшим укромным платаном или, скажем, каштаном. Годились для сего процесса также липы, вязы и клены. Результат, впрочем, оставался нулевым под любым деревом.

И вот на бульваре Пуссоньер, как раз там, где он переходит в бульвар Монмартр (прошу не путать с тем культовым Монмартром, где Пикассо, и Утрилло, и Модильяни, и Руссо, и все прочие... в Париже, чтоб вы знали, есть бульвар Монмартр, есть улица Монмартр, а еще есть так называемый фобур Монмартр, то есть предместье с тем же названием, причем находятся они от того Монмартра, горы Мучеников в переводе с французского, на изрядном удалении), на буль-

варе, стало быть, Пуссоньер у Марины зазвонил мобильный телефон. Она приостановилась, Алёна с Лизочкой притормозили тоже. И как раз возле небольшого магазина сумок и чемоданов, хозяин которого выставил на тротуар многочисленные образцы своего товара. Слева висели всевозможные сумки поменьше, а справа важно стояли многообразные чемоданы. Марина позвала Алёну, та подошла, а Лизочка шмыгнула куда-то в сторонку. Внезапно раздался ее громкий плач. Марина с Алёной кинулись на звук и не сразу обнаружили ребенка между огромными саквояжами. С самым виноватым видом Лизочка стояла в центре небольшой лужицы... Она отчетливо сознавала, что совершила преступление, написав в штанишки и забрызгав роскошное разноцветное сверкающее колесо большущей ярко-красной сумки на колесиках.

Переглянувшись, Марина и Алёна схватили «преступницу» за руки и наострились было смыться, но не успели – на плач явился встревоженный хозяин. Французы любят детей, и не просто любят, а любят демонстративно: например, повосхищаться незнакомым дитяткой, улыбнуться малышу, сказать комплимент его мамаше считается хорошим тоном. И хозяин увидел лужицу... и забрызганное колесо... Его откровенно перекосило. Но ведь французы любят детей, потому он только буркнул покровительственно:

– Нормально, сударыни, нет проблем.

И даже умудрился улыбнуться, принимаясь сдвигать в

сторону товар, под который уже начинала растекаться лужа. Он был настоящий мужчина! Умел держать себя в руках и делать хорошую мину даже при плохой игре!

Именно в ту минуту Алёна решила, что ей совершенно необходим – радикально! – новый чемодан на колесах. Именно вот этот, забрызганный. Помеченный милой девочкой Лизочкой, которую Алёна любила, как родную дочь, честное слово. И она немедленно вынула из кошелька пятьдесят евро. Деньги были, честно говоря, не столь большие за такой классный чемоданище, и он потом сто раз оправдал потраченную сумму своей безотказной готовностью, не ломаясь, прыгать по любым, самым экстремальным выбоинам тротуаров Нижнего Новгорода, где проживала наша героиня. Да и забавные воспоминания, связанные с покупкой, стоили куда дороже!

Алёна многое прощала своему чемодану именно из-за воспоминаний. А прощать было что, потому что он иногда начинал вытворять нечто несусветное! Вот и сейчас чемодан своевольничал по-страшному, и о том, чтобы подвезти его к сиденью и устроиться поудобнее, нечего было и думать. Алёна, зарулив в вагон метро, кое-как утвердилась около закрытых дверей, пытаясь удержать равновесие. Одной рукой она цеплялась за поручень, другой удерживала своего красного красавчика. Резко покачнувшись, она отступила назад и почувствовала под ногой чью-то ступню.

– Простите! – пискнула Алёна, полуобернувшись.

– Ничего, – буркнул невысокий чернявый парень, выбираваясь из-за ее спины (в единоборстве с чемоданом она даже не заметила, что у дверей кто-то стоит) и проходя наискосок, к почти пустой скамье.

Алёна придвинула чемодан вплотную к стене и немедленно почувствовала себя лучше. И даже смогла проводить парня взглядом и подумать, что где-то она его видела. Худые, но широкие плечи, обтянутые тонким пуловером, танцующая походка были ей определенно знакомы. О, да ведь это тот самый парень с вокзала, с которым они встретились около прожорливого терминала. Надо же... Москва город большой, но тесный. Бывают же совпадения, а?

Размышляя про различные совпадения, случающиеся в ее жизни (а некоторые из них были свойства самого невероятного и неправдоподобного, Алёна потом и сама слабо верила, что они имели место быть!), она искоса поглядывала на парня. Волнующий момент, что и говорить. Причем анфас и в профиль он смотрелся ничуть не хуже, чем сзади, со своей поджарой, подкачанной задницей. Каскетка низко надвинута на лоб, но все равно видно, что он обладатель резких черт, смуглой кожи, небритых (шестидневная щетина, да?) щек, упрямого подбородка, длинных прямых ресниц, затемняющих прищуренные глаза, и твердых, напряженно стиснутых губ. Именно губы выдавали его напряжение, хоть сидел незнакомец в вальяжной позе, забросив ногу на ногу и

вольно развернув плечи. Пуловер его был вырезан на груди, и можно было разглядеть, что она сильно поросла волосами. Такой же волосатой была и худая щиколотка, видная из высоко вздернувшейся джинсовой штанины.

Алёна чуть наморщила нос. Вообще говоря, ей не нравились волосатые мужики (точнее сказать, она их просто терпеть не могла), но в этом парне было что-то раздражающе сексуальное. Стоило только представить, как его волосатые ноги с легким шелестом скользят по гладким, шелковистым женским ногам... Например, если женщина вот только что сделала эпиляцию, как Алёна...

У нашей героини слегка пробежали по коже мурашки. Нет, сгиньте, пропадите, греховные мысли! За полтора месяца, что Алёне предстоит провести во Франции, ей вряд ли что обломится в плане простых и незамысловатых плотских радостей, поэтому лучше не будоражить себя мыслями и образами, которые потом будут терзать ее в снах. И вообще, при ее-то буйном темпераменте, надо было куда интенсивней использовать возможности, которые предоставляла ей судьба до отъезда! Каждый день минувшей недели следовало посвящать горизонтальному фитнесу. Ну, не весь день, конечно, но хотя бы пару часов в день непременно следовало, благо желающих поразвлечь одинокую, красивую, совершенно не обремененную комплексами даму находилось предостаточно. У Алёны, заметим, было два постоянных любовника (оба моложе ее на... на много лет, скажем так), которые,

понятно, знать не знали о существовании друг друга, ну и еще как минимум двое спорадических, если так можно выразиться. Они ей нравились технически, но никаких особых чувств не вызывали. А вот к Константину и Андрею (так звали постоянных) Алёна относилась почти с нежностью. Особенно к Константину. Нет, особенно к Андрею... Или все же к Константину? А, какая разница! Что тот, что другой будили в ней нежность, желание, пылкость, но не любовь. С любовью было покончено ровно два года назад. Покончено – и прикончено. Что Игорь, что подружка Жанна, приложившая руку к приканчиванию Алёниной безумной страсти, были вычеркнуты из ее жизни. С ними она больше не встречалась, а если судьба все же сводила случайно, так крепко зажимала сердце в кулак, что даже сама не понимала хорошенько, больно ей видеть тлеющие обломки былой страсти или нет.

Ладно, как говорится, померла, так померла!

Отмахнувшись от воспоминаний, Алёна продолжала рассматривать незнакомого чернявого симпатягу. Некая свирепость, присутствовавшая в выражении его лица, не могла не привлекать женщину, пресыщенную аморфными или отупевшими субъектами мужского пола, которых воленс-ноленс наблюдается в переизбытке. А сейчас перед нею находился поистине brutальный мэн. И скрытую его силу оценила не одна Алёна.

Напротив Brutального, как мысленно назвала парня Алёна (а почему нет, в самом деле, если он был интенсивно-бру-

тален?!), сидела девушка. Милая такая девушка – «из приличной семьи», что называется. Так и виделась она девочкой – в кружевном воротничке, с косичками и с нотной папкой в чисто вымытой ручке. Хорошая девочка превратилась в хорошую девушку с правильным, хотя и чуточку скучноватым да к тому же несколько испуганным личиком. А испуг на ее личике проистекал, как немедленно поняла Алёна, из того, что напротив сидел Брутальный (для краткости его можно называть просто Брут, подумала Алёна). Ох ты батюшки, да у него еще и татуировка на среднем пальце левой руки, этакий перстень: темно-красная змея, кусающая свой хвост. Пошлятина, конечно. Но сидит-то парень как! Нескромно сидит, небрежно разбросав ноги, между которыми виднеется весьма недвусмысленная выпуклость.

Наша героиня, которая была большой любительницей (и мастерицей, следует сказать!) исследовать такие выпуклости, как визуально, так и на ощупь, чуть усмехнулась взволнованному выражению на личике девушки. Брутальный Брут не обращал на милашку ни малейшего внимания! Конечно, мужчины такого типа предпочитают отъявленных стерв, и, судя по тому, что взгляд Брута снова, как и на вокзале, равнодушно скользнул мимо Алёны, она к числу таких особей не принадлежала. И Алёна задумалась над тем, огорчает это ее или нет. И вдруг Брут напрягся... взгляд его, равнодушно перебегавший по лицам пассажиров, скользнул куда-то в сторону и задержался. На ком? Неужели там сидит

та самая стерва? Любопытная Алёна, конечно, повернула голову в ту же сторону, ощущая не только любопытство, но и нечто вроде ревности, какую немедленно начинает чувствовать любая нормальная женщина к любой другой особи одного с нею пола.

А зря, между прочим.

В конце вагона ни одной стервы не обнаружилось. Исключительно одни стервецы там собрались – в том смысле, что сидели в той стороне только мужчины. О, так Брут, что ли, не так уж и брутален? Да что за жизнь пошла, если подобные мысли вообще возникают у приличной женщины! Вот еще не хватало, к мужчинам ревновать!

Кстати, а ревновать-то вроде не к кому, тут же озадачилась Алёна. Все сплошь натуралы там, сразу видно, любой готов немедленно начистить рыло, если однополое существо только лишь помыслит подступить к нему с неприличным выражением непристойных чувств. На кого же столь пристально смотрит Брут?

Наша героиня с ленивым любопытством повела глазами по лицам мужчин, и вдруг что-то такое мелькнуло в мыслях, какое-то воспоминание... Алёна насторожилась, глядя на плоское, близко прилегающее к бритой голове ухо какого-то молодого мужчины. Ухо было резаное, раковина отчетливо укорочена сверху. «Корноухий, – подумала Алёна. – Вот как называется такой человек. Обкорнали ему ухо-то, стало быть!» Она кивнула, довольная своей лингвистиче-

ской эрудицией, и тут же ее осенило, что это ухо она уже видела сегодня. Это ухо, и эту бритую голову, и эти чуть пока-тые, накачанные плечи, обтянутые черной майкой... Качок с Курского вокзала! Тот самый, который вынимал выручку из терминала, слолавшего сотенную Алёны, и отказался принимать ее претензии!

Точно, он. И Брут смотрел именно на его ухо. Стоп-стоп... Да ведь Брут заплатил деньги терминалу-воришке как раз перед Алёной. И квитанцию получил... Неужели и его пяти-сотка осталась незачисленной? Наверное, он заметил Корно-ухого, когда тот вскрывал терминал, тоже не получил от него вразумительного ответа, вот и решил проследить за ним, чтобы узнать адрес фирмы, как ее там... «Терминал-серви-са»...

Ага, везде тебе сыщики и воры мерещатся, детективщи-ца Алёна Дмитриева! Заметил, проследил... Просто случай-ность. Конечно, Москва – город большой, и даже неразумно большой, а все же и в нем возможны такие забойные совпа-дения, что...

Алёна не успела довести до конца мысль о забойных сов-падениях, потому что подоспела станция «Аэропорт» и ка-чок быстро вышел из вагона. И немедленно брутальный Брут тоже кинулся вон, успев в самую последнюю минутку про-скользнуть сквозь уже почти сомкнувшиеся створки двери. И двинулся, что характерно, именно в том направлении, ку-да направлялся качок.

Неужели и правда следил за ним?

«Ну, бог в помощь», – с усмешкой подумала Алёна и снова обратила все силы и помыслы на то, чтобы удержать в повиновении свой своевольный и непредсказуемый, как всякое существо мужского пола, чемодан.

Из дневника Николь Жерарди, 1767 год, Париж

Я сделала это! Я это сделала. О Боже мой, какое дивное, какое восхитительное ощущение! Кто бы только знал, какой независимой я себя отныне чувствую! Какой свободной! Я рассталась не только с девственностью – я рассталась с занудными заботами по ее охране. Как я могла быть настолько глупа, что верила всякому бреду – мол, нужно сохранить себя в неприкосновенности для мужа... А поэтому нельзя даже и глядеть на других мужчин, чтобы не поддаться дьявольскому искушению. Иначе немедленно лишишься своего главного сокровища, ведь злодеи-мужчины только и мечтают о том, чтобы похитить невинность у девушки. И все, и ты навеки опозорена, но даже если тебе удастся скрыть тайну твоего падения, муж-то непременно обнаружит на брачном ложе и будет иметь полное право вернуть тебя твоим родителям. А приданое твое оставит себе. И никто не посмеет его осудить, потому что приданое было всего лишь дополнением к главному богатству невесты – ее непорочности. Ну а если он непорочности не обнаружил, должен получить неустойку в качестве приданого.

Просто с ума сойти можно... Конечно, этот закон придуман мужчинами. Что за простор для обогащения нечестных!

Скажем, какой-нибудь жених еще до свадьбы вовлекает девицу во грех. И она отдается ему где-нибудь в саду под яблоней, в конюшне или на лесной опушке, умудрившись все проделать так, что следов ее грехопадения никто не обнаружил. Проще говоря, ни на одной из ее нижних юбочек не осталось ни пятнышка девственной крови. Жених счастлив доказательством ее любви, говорит, что беспокоиться не о чем, ведь свадьба со дня на день. И вот брачный контракт подписан, молодые обвенчаны, после брачного пира они восходят на ложе, ласкаются-милуются, не заботясь ни о чем... а наутро бледный, суровый жених призывает папашу своей молодой жены и заявляет, что ему был подсунут бракованный товарец. Девица оказалась вовсе не девицей! Не верите? Говорите, быть этого не может? Да взгляните на простыни! И если вы обнаружите там хоть малое свидетельство невинности вашей дочери, я лично вычищу ваши башмаки собственным болтливым языком.

Разумеется, папаша не отыскивает ничего, поскольку невозможно отыскать то, чего вообще нет. А лепет девицы о том, что именно жених похитил ее сокровище тогда-то и там-то, никто и слушать не желает. Более того, девица ничего такого и не говорит, потому что лежит в обмороке... Ну и что? Брак объявляется недействительным, жених прикарманивает приданое – законным путем, заметьте себе! – переводит недвижимость в наличность, а потом может переехать в другой город, найти там другую богатую дурочку, обручить-

ся с ней, совратить накануне свадьбы... *et cetera et cetera*... Как известно, в брак вступать можно до трех раз, и церковь смотрит на сие сквозь пальцы. Но на самом деле кто будет вести счет, сколько раз венчался тот-то и тот-то и сколько раз брак его бывал расторгнут по самым что ни на есть священным причинам?!

Если бы я была мужчиной... нет, правда, если бы я была мужчиной, не девушкой (о нет, совсем нет, НЕ девушкой, ха-ха!) по имени Николь, а мужчиной Николь, таким же родовитым, и имела столь же скупого отца... скупого до того, что у меня не было бы горничной, то есть лакея, если бы мне самой (то есть самому) приходилось ставить заплатки на свои юбки (то есть на свои кюлоты) и самой причесываться (то есть бриться), одним словом, если бы я была безденежным мужчиной, я бы непременно постаралась обогатиться за счет невинности глупеньких девиц. Но я, к сожалению, сама – девица (бывшая, что строго между нами!) и намерена сама обогащаться за счет мужчин. Оказывается, девственность – весьма раскупаемый товар. И надо быть дурой, чтобы этим не воспользоваться.

Как там говорила мадам Ивонн? Новобрачного супруга обмануть – самое плевое дело. Конечно, если девушка уродилась пылкой штучкой, ей никак не вытерпеть до свадьбы, однако всякая прореха должна быть залатана. Чистота – лучшая красота! Говорят, есть умелицы, которые и в самом деле умеют залатать прореху в своем хорошеньком потайном ме-

стечке. Ах, какое варварство! Какую боль принуждена терпеть неосторожная девица! Моя метода куда как проще и действенней. Берется рыбий пузырь – не от большой рыбы, а, скажем, от маленького карася или карпа, тщательно вымывается и наполняется кровью. Нет, вовсе не непременно человеческой! Глупости. Подойдет свиная или коровья. Или даже куриная. Такого добра у любого мясника можно получить в любое время сколько угодно. Прикиньтесь чахоточной, притворитесь, что вам необходимо пить кровь для поправления ваших легких, не мелочитесь, погромче побренчите монетами в кошельке – и любой мясник с охотой нальет вам стаканчик свежайшей крови! Но вам хватит и четверти стаканчика. Вы должны опустить туда проколотый рыбий пузырь. В крови он расправится и наполнится. Напоминаю: пузырь вовсе не должен быть очень большим. Если на простыне окажется слишком много крови, жених сочтет вас больной и испугается. Постель не зря сравнивают с полем боя. Там есть храбрецы, трусы, отступления, наступления, засады, военные хитрости, там льется кровь... Но во всем нужна мера.

Впрочем, мы несколько отвлеклись. Теперь речь пойдет о главном. Хорошо, если у вас есть преданная горничная или если маменька в курсе ваших шалостей и потворствует им. А вот если никого из помощниц не сыщется – ну что же, придется рассчитывать лишь на себя. Когда настанет ваша брачная ночь, засуньте наполненный кровью пузырь сами знаете

куда и поскорей ложитесь в постель. Будьте аккуратны, ни капли крови не должно до времени попасть на простыни и вашу рубашку! И вот вы легли. Открывается дверь, и в вашу спальню входит человек, с которым вы только что обвенчались... Сударыня, начинается самое трудное! Вы должны теперь набраться хладнокровия и ни в коем случае не дать вашей пылкой природе одержать над вами верх. Как бы вы ни любили постельные игры и как бы ни желали предаться забавам с мужчиной, лишь только его руки коснутся вас, а губы прижмутся к вашим губам, вы должны корчить из себя испуганную скромницу. Сдвиньте ножки и сожмите их покрепче. Вспомните, что пузырь, который вы в себя запихали, очень скользкий и может вывалиться при малейшем неосторожном движении. Боже вас упаси поддаться любовным играм, в которые будет стремиться вас вовлечь супруг! Вы – невинная скромница, которая боится мужчины, помните!

Могу добавить: на ваше, девушки, счастье, большинство мужчин убеждено, будто жена в постели должна быть бревно бревном. Вольности и прелестные забавы они готовы разделять только с кокотками и шлюхами, а в жену, считают мужья, следует заталкивать свое орудие молча, деловито и уныло. Но это нам только на руку. Позвольте вашему мужу сделать все так, как он считает нужным. Сожмите ноги и заставьте его применить силу. Стоните, пищите, охайте и ахайте, только не кричите слишком громко. Не нужно переигрывать, не напугайте супруга, иначе он ничего не сможет с вами

сделать, уснет да и все, отложив свои желания на утро или на другую ночь, и тогда вам всю ночь придется лежать по стойке «смирно» с рыбьим пузырем в... Ах, я лучше промолчу, сами знаете где. И тогда на следующую ночь придется весь спектакль устроить снова. Нет, следует помнить, что вы теперь – Адриенна Лекуврер ⁷, не больше и не меньше. Мера и еще раз мера во всем. Ну вот вы сопротивлялись довольно и позволили победителю ворваться в ворота крепости. Вы ощутили, что пузырь прорвался, кровь потекла. Тут самое время лишиться чувств. Пусть ваш супруг насладится плодами своей победы!

Увидев, что вы в беспамятстве, он умилится, быстренько завершит свое дело и, готова держать пари, побежит за водой или вином. Вы же тем временем должны отыскать под собой на простыне пресловутый пузырь и тихонько выкинуть его под кровать или еще лучше в камин – ведь из-под кровати его можно забыть убрать, он там начнет гнить и испускать невыносимое зловоние, или горничная на него наткнется и начнет задаваться ненужными мыслями. Короче говоря, вы должны постараться избавиться от пузыря. Ну, и тут возвращается ваш супруг, к вам возвращаются чувства, вы можете немножко всплакнуть... А дальше все зависит от того мужчины, с которым вы отныне связаны судьбой. Если он вам приятен и пробуждает в вас нежность, намекните ему, что начало пришлось вам по вкусу и вы жаждете продолжения.

---

⁷ Знаменитая французская актриса 30-х годов XVII века.

Если он вам отвратителен, продолжайте стонать и охать и исполняйте свой супружеский долг с превеликой неохотой. Он примет это как должное, уверяю вас. А теперь – благословляю вас, девицы! Отныне ваша супружеская жизнь – в ваших руках!

Вот лихо, да? Даже лучше, чем в том старинном фавльо про веселую женушку, которая принимала любовника, а когда вернулся муж, любовник бежал, забыв штаны, и утром муж надел их сослепу, а потом спохватился и начал честить жену шлюхой. И тогда она кинулась к монаху-минориту и сговорила с ним... Ой, просто с ума сойти! Я просто обожаю эти стихи!

Красотка, хитрая лисица,
Решила избежать бесчестья,
Надеясь на уловки лести,
И чтоб все было шито-крыто,
Идет к монаху-минориту
И говорит, сознавшись честно
Во всем, что вам уже известно:
«О помощи взываю я!» —
«Но что могу я, дочь моя?» —
«Мой муж вам верит. Потому
Одно скажите вы ему,
Когда, смущен догадкой в Мэне,
Меня он обвинит в измене,
Что, мол, штаны у вас я в долг
Взяла, такой в том видя толк:

Мол, поносив их, можно в ночь
Зачать то ль сына, то ли дочь.
Волшебны только ваши! Мне
Так, мол, привиделось во сне.
Моей уловки неужели
Не осветят благие цели?!
Впредь жить безгрешно поклялась я!»
Ну, кто бы ей не дал согласия?!
И обольщенный минорит
«Согласен!» даме говорит.

Самое смешное, что ей удалось обдурить супруга!

Затея удалась на славу:
Любовник наслаждался впрок,
И муж от истины далек;
Ей был послушен минорит,
Измена скрыта, страх забыт.
Все получили по заслугам!
Сумей-ка так вертеть супругом,
Чтоб наставлять рога незримо
И оставаться невредимой!
Свои любовные дела
Лиса устроить так могла!

Раньше дамочка из фабльо была для меня образцом хитрости. Но теперь я преклоняюсь перед мадам Ивонн.

Я запомнила от первого до последнего слова все, что гово-

рила она о том, как нужно дурачить мужчин. И записываю ее слова, чтобы иногда возвращаться к ним и обретать бодрость и силу. Надеюсь также, что я почерпну от мадам и другие житейские премудрости. Мы ведь с ней теперь сообщницы. Правда она называет это иначе. «Мы теперь компаньонки, Николь! – говорит она. – Денежки золотым ручейком потекут в наши карманы, потому что ты восхитительно красива, молода и соблазнительна, а я восхитительно умна... Когда мне было столько лет, сколько тебе, я всю пользовалась дарами своей свежести и юности, ну а теперь у меня есть ты. Делить доходы пополам ведь справедливо, верно, Николь?» Я не спорила. Я ей безмерно благодарна. Какой приятный, какой чудесный способ выбраться из осточертевшей нищеты!

Я перечитала написанное... Если бы мой дневник попался кому-то в руки, тот человек мог бы решить: ну вот, еще одна бесприданница, давно утратившая невинность, нашла способ подцепить богатого и глупого старика, желающего взять в жены непременно девственницу. Вовсе не так! Я совершенно не желаю выходить замуж. Я хочу одной лишь свободы. Но свободу в нашем мире дают только деньги... Родители не позаботились о том, чтобы я имела их в достаточном количестве. Строго говоря, у меня вообще ничего нет, потому что отец мне ничего не дает. Хорошо сестре моей Клод – она уже замужем! Даже брату Себастьяну, которого отец упек в монастырь еще в детстве, и то лучше, чем мне, – там он жи-

вет на всем готовом. А мою сестру обеспечивает супруг. И только я вынуждена сама думать о себе. Значит, и раздобыть деньги должна я сама. Вот и раздобуду, причем самым приятным на свете способом.

Более того – я уже начала это делать! Я ведь прекрасно запомнила все ощущения, которые испытала, когда меня лишил невинности тот мужчина, который заплатил за меня огромные деньги. Да, мне было больно и страшно. Я стонала... А теперь я воскрешаю в себе ту боль и тот страх, когда испускаю наигранные стоны, теряя девственность вновь и вновь...

О боже, как мне смешно! Как мне весело! Как чудесно на душе!

Сейчас закончу писать дневник и пойду наконец куплю белые ажурные чулки и кружевное фишю⁸. Хватит ходить обдергайкой или носить платья, которые мне ссужала мадам. Пора позаботиться о своем собственном гардеробе.

Хм... Я еще раз пересчитала заработок только одного дня. Ну, судя по началу, скоро у меня будет не одна пара самых лучших ажурных чулок. А на смену фишю придут бриллианты!

---

⁸ Фишю (искаж. франц.) – деталь женского туалета в одежде конца XVIII века: косынка, кусок ткани, кружева, который прикрывал шею и плечи и скреплялся на груди.

Наше время.

Все тот же день в начале августа, Москва

– Значит, ты его упустил...

– Да нет, понимаешь...

– Ты его упустил. Он заметил слезку, так?

– Ну да.

– А почему ты мне сразу не позвонил, не сообщил, что нашел его?

– Я его заметил только на станции «Аэропорт», уже некогда было названивать.

– Что-то говорит мне, что ты врешь.

– Да ладно, тоже мне... что-то ему говорит... Я его заметил уже перед тем, как он пошел к дверям. Ну и кинулся за ним, чтобы не упустить. А он заметил, конечно, что я ломанулся в двери как раз перед тем, как они закрылись, вот и рванулся, как пес гончий... А там же, в метро «Аэропорт», эскалатора нет, он меня просто опередил, у него фора по времени была. Но я его до последней минуты видел, как он в ту машину ввалился.

– Что? В какую машину?

– Не знаю в какую, в серый «мерс».

– Что, в первый попавшийся?

– Н-не похоже... Он от метро бежал по тротуару именно к этой машине.

– Номер?

– Да не успел я номер разглядеть, «мерс» отъехал мгновенно!

– Значит, его машина ждала, так?

– Похоже на то.

– Пурга какая-то. Пургу гонишь, Стасюля! Если у него была машина, за каким чертом ему было ехать на метро?

– Ну, может, у него в той машине поделльник...

– Ага, а ты думал, там кто? Представитель конкурирующей фирмы?

– Да ладно, не цепляйся к словам! Я говорю, в той машине поделльник, который должен был подобрать его после того, как он обчистит терминал в метро, а он меня увидел – и решил ноги уносить.

– Возможно. Но возможен и другой вариант.

– Какой?

– Да такой. Ты случайно не обратил внимания, он в вагоне не говорил по мобильному?

– Да вроде не говорил... Во всяком случае, когда я его заметил, точно не говорил. И когда я за ним бежал, тоже не говорил... вроде бы... А ты на что намекаешь?

– Не догадываешься? На то, что он тебя заметил и вызвал машину, на которой мог от тебя наверняка смыться. А если он тебя заметил, значит, он тебя узнал.

– Ну, к примеру, он мог заметить меня там, на Курском. Я же от терминала отошел за пару минут до того, как он его обчистил. Ну, он и подумал, что если я за ним ломанулся, значит...

– Значит – что? Молчишь? Ты хотел сказать – значит, ты знал, что он его обчистил? А откуда ты мог знать? Получается, что тебе известно, кто такой Крошка? Каким образом известно? Имеем вопрос первый. Теперь второй – даже если он обчистил автомат, почему ты должен от этого плохо спать и заниматься бегом на скорость? Предполагается, что ты обычный мэн, который заплатил деньги за мобильник, получил чек, получил инфу, что деньги зачислены на счет. И тебе, по идее, должно быть фиолетово, что там с ними происходит, кто их получает. А он побежал от тебя. И что ж выходит? Он тебя знает?

– В смысле? В каком смысле – знает?

– Он знает, кто ты на самом деле. И знает, что ты в самую распоследнюю очередь заинтересован в том, чтобы терминал на Курском был взломан.

– Подожди... Эй, ты чего молчишь?

– Жду.

– Чего?

– Ты же сказал «подожди» А вообще, я жду, когда ты со мной простишься и уйдешь.

– Уйду? Зачем?

– Бросаться с Крымского моста.

– Да пошел ты! Нашел время шутить!

– Стас, я не шучу. Дело плохо, понимаешь? Если он знает тебя, если узнал, если связал концы с концами, тогда получается, что Крошка – вовсе не тот безобидный бомбила терминалов, за которого мы его принимали.

– Ты думаешь, что... Да не молчи, черт тебя возьми, не молчи, говори!

– То, что я думаю, настолько ужасно, что мне и говорить-то об этом не хочется. Я с тобой прощаюсь. Поверь мне и прими дружеский совет: сделай все сам. Быстро и безболезненно. Ты же знаешь, как у нас это было. Помнишь Комара...

– Да нет! Не думаешь же ты, что меня приговорят...

– Не думаю. Убежден!

– Какого черта, Юлий! Какого черта ты так сразу суешь мне черную метку? Забыл, что я единственный видел поганого Крошку, этого козла с обрезанным ухом? Я могу его найти! Я готов его искать!

– Ну... В том, что ты говоришь, есть своя логика, но я должен связаться со старшим, посоветоваться.

– Не надо! Не звони никуда! Не будь идиотом! Ни с кем ничего не обсуждай! Пока о том, что случилось, знаем только мы с тобой, все еще можно исправить. Ты вообще можешь стереть сообщение тетки с автоответчика.

– Стереть? Да что ты такое говоришь? Какой Умнов нашелся, вы только поглядите на него! А как насчет бумаги?

Той пятисоки, которую ты сунул в терминал? Ее ж нет! Терминал-то общищен!

– Есть такая штука – форс-мажорные обстоятельства. Слышал когда-нибудь? От них никто не застрахован. Представь себе: ты пишешь письмо, опускаешь его в почтовый ящик, а потом какой-то идиот взламывает почтовый ящик... Или вообще террорист взрывает самолет, на котором перевозилось твое письмо. Ты же не предъявляешь претензий к почтовому ведомству?

– Ты, Стас, такое у меня складывается ощущение, идиот. Полный идиот. Как ты теперь докажешь, что вообще опустил *письмо* ?

– Как докажу?

– Вот именно. Как докажешь, что не передал его кому-то другому?

– А зачем мне так себя подставлять? Даже если бы... к примеру... если представить, что меня перекупили, перевербовали и все такое, я бы просто скопировал текст, а бумажку всяко сунул в терминал.

– Скопировал бы текст? Чем? И как? У тебя что, в кармане считывающее устройство завалилось?

– погоди... Считывающее устройство! Ты сам сказал, Юлий! Да ведь наверняка приемник в терминале уже успел считать инфу. Насколько мне известно, это происходит практически мгновенно. Успел считать и передать ее куда следует. Так что сама по себе та пятисотка – просто ничто. Ведь

ее никто и никогда не отличит на вид и на ощупь от любой другой пятисотенной купюры!

– Логично. То есть ты опять наводишь меня на мысль промолчать и стереть запись на автоответчике... А если тетка снова позвонит?

– погоди! Она оставила свой номер. Мы можем найти ее и...

– Ага. Кинофильм «Свидетелей не будет». Или как там называются такие глупые фильмы? Учитывая, что терминал стоит на Курском вокзале, представляешь, сколько скандальных теток проходит там со своими узлами, баулами и сумками на колесах? А что, если у какой-то еще не принялась оплата после того, как переклинило автомат? И она тоже видела Крошку? И тоже позвонит? Ты что, всех будешь отстреливать, определив по номеру адрес и место жительства?

– Стоп. погоди.

– Что такое?

– погоди... Мысль какая-то мелькнула... Нет, не вспомню.

– Мысль появилась в голове и ушла, не застав никого дома?

– Старо! Хватит прикалываться. А кстати о тетках. Та, которая звонила, видимо, не такая уж тетка, если у нее мобильник есть.

– Ох и отстал же ты от реалий жизни... Да сейчас даже у бабулек, которые на базаре в Нижнем соленые огурцы и

тыкву продают, есть мобильники. Клянусь! Я месяц назад ездил к двоюродному брату на свадьбу, ну и пошел на Средной рынок, есть там такой, – капустки купить. Там така-ая капуста-однодневка, в Москве ничего подобного не делают! И сам слышал, как одна столетняя бабуля шамкала по «Мотороле»: «Старик, ты меня сёни пораньша забяри с базару, а то я уже уся распродаласи!»

– Погоди... Кончай ржать! Я вспомнил! Ты сказал – сколько теток с чемоданами на колесиках...

– Я сказал – с сумками на колесах.

– Не суть важно. Слушай! Когда я опустил в терминал свою пятисотку, то краем глаза видел одну такую тетку, которая стояла с огромным чемоданом на колесах. Я в основном на колеса посмотрел, они дурацкие, очень яркие, красно-белые, да и чемодан красный. Прикольный чемодан! Кстати, она и сама не слишком тетка, очень даже ничего. Бриджики, задница, все как у людей. И заметь, когда я нашел в метро Крошку, я сначала заметил тот же чемодан. Потом обратил внимание на его хозяйку. Идиотка меня чуть не размазала по стенке вагона! Когда я сел, она так на меня пялилась... Запала, думаю, на мои тесные джинсы! А потом я и заметил Крошку. Кстати, она на него тоже пялилась. То на него, то на меня. Неужели она? Та самая, с Курского? Неужели она и звонила? А я-то думал...

– Ну да, ты думал, что она запала на твои тесные джинсы! Если они у тебя такие тесные, если в члене жмут и эрек-

цию провоцируют не по делу, другие купи. Чтоб от дела не отвлекали. А то, оказывается, дрочишь потихоньку, да? Запала она на него... Нужен ты ей вместе со своими джинсами! А если вдруг там и в самом деле была та, что звонила, получается, она видела тебя. Видела Крошку. И то, как ты ломанулся за ним следом. И если ты его все же найдешь, а она узнает, что с парнем что-то случилось...

– Да не смейся. Узнает она! Ну как она узнает? В газетах прочитает, что ли? Или по телевизору сообщат, что какой-то придурок стерт с лица земли? Не узнает. Она же с чемоданом была. А линия Горьковско-Замоскворецкая. Значит, баба стопроцентно ехала до «Речного вокзала», чтобы там на маршрутку пересесть и дунуть в Шереметьево – первое или второе. Да ее небось уже и нету в Москве. С тех пор как я ее в метро видел, прошло часа два. Она наверняка или уже улетела, или вот-вот отбудет.

– А почему ты думаешь, что она не приехала на Курский откуда-то, да хоть бы из того же Нижнего, и сейчас не находится у себя дома где-то на «Соколе», на «Войковской», на «Водном стадионе»?

– Нет, у нее вид какой-то немосковский. Точно говорю! Серая такая провинциальная мышь. Явно намыливалась куда-то лететь.

– В Париж, например. В Амстердам. В Лондон, ага?

– Да почему непременно в загранку? Есть ведь не только Шереметьево-2, но и Шереметьево-1. Оттуда самолеты на

какой-нибудь Дальний Восток летают. Вот она и летит сейчас, например, в богом забытый Хабаровск и думать про терминал на Курском забыла. И про звонок свой. А даже если и в Париж, какая разница? Улетела и улетела. Отряхнула со своих стоп, так сказать, прах прошлого. Точно тебе говорю, сотри ту запись – и забудем обо всем. В конце концов, это и в твоих интересах. Мы оба лажанулись, не только я, но и ты. Ты мой непосредственный начальник, и, если начнут с меня шкуру заживо драть, тебе тоже не поздоровится. В конце концов, ты отвечаешь за техподготовку оборудования, ты и виноват, что терминал на какое-то время замыкает после считывания нашей информации и он перестает выдавать чеки и сообщать о зачислении денег на счет. Нам просто не повезло, что та тетка полезла платить сразу вслед за мной и оказалась достаточно скандальной, чтобы позвонить и наклеузничать.

– А если она еще раз позвонит? Вдруг на связи будет кто-то другой, например Черный, и именно он примет звонок? Я сотру запись, а она ляпнет, что уже звонила и оставляла сообщение... Да Черный нас с тобой сдаст еще раньше, чем ее голос отзвучит, ты уж мне поверь! И тогда... Ох, втравил ты меня... Я должен был сразу доложить о нештатной ситуации, а вместо этого отпустил тебя за Крошкой. Полдня, считай, потеряно!

– Да не ной ты, как баба. Потеряно, потеряно... Сотри сообщение и не парься.

– Ладно, похоже, другого выхода нет. Но если она опять вылезет, как чирей на попе, тут уж я тебя сдам, Стас. Точно сдам!

– Не гони пену, Юлий. Давай стирай, стирай запись...

– Сейчас. Погоди, нет, я еще раз прослушаю ее.

«Ваш терминал, который находится на Курском вокзале, не выдал мне чека на сто рублей, и сообщения о зачислении денег на счет я тоже не получила, и даже сотрудник ваш, который деньги из терминала изымал, качок в черной майке, бритый такой, с порезанным ухом, отказался со мной разговаривать и принимать претензии. Если вы, господа, качаете таким образом деньги из народа, то это свинство, товарищи! Впрочем, искренне надеюсь, что произошло случайное недоразумение и скоро я получу сообщение о поступлении денег на мой счет! Сообщаю мой телефон... Можете позвонить и принести свои извинения!»

– Да ладно тебе ее брюзжанье слушать! А голос, главное, какой противно-занудный!

– Погоди. Голос противный, что да, то да, но не в голосе дело. Я все понять не мог, что меня так зацепило. Вот оно! Номер у нее – 8-910... С 910 начинаются все номера МТС в Нижнем. В Питере 911, в Москве 916... У моего двоюродного брата номер эмтээсовский. Слушай, а баба-то из Нижнего! Так что ты был прав: в Москве она была проездом и уже упилила куда-то. Ну что ж, тогда ситуация облегчается... Погоди, звонит кто-то. Я автоответчик-то включил? Ага...

– Привет, я уже звонила вам сегодня насчет терминала на Курском вокзале, который не выдал мне чек на сто рублей и не зачислил сумму на мой счет. Я позвонила около двух часов назад, но ни ответа, ни привета, ни денег. Вам, может быть, кажется, что сто рублей – ерунда, никакая не сумма? Конечно. Но тут дело принципа. С меня сто, с другого, третьего, сотого, тысячного... По зернышку клюете, да? Побитирушки и грабители вы, если так. Имейте в виду, я вам покоя не дам. Я некоторое время в Бургундии пробуду, потом приеду в Париж через недельку-другую, и из Парижа не поленюсь вам позвонить. И когда в Россию вернусь — тоже. Так что рекомендую одуматься. Или... или ждите моего звонка!

Конец августа, Мулян, Бургундия

Здесь очень похоже на рай – если, конечно, в раю бывает пасмурная погода. Тихо-тихо. Сырой туман висит над землей, воздух напоен близким дождем, а все равно – так прекрасно вокруг и светло на душе, что, право же, совершенно неважно, солнце над головой или небо затянуто серой пеленой. Тем паче что солнца Алёна уже с избытком поднабралась за нынешнее лето, которое в родимой Нижегородчине выдалось таким жарким, что хоть в каком-нибудь Салехарде ищи спасения. Но Алёна все же предпочла не Салехард, а Францию, которую лето не так чтобы баловало. С тех пор как три года назад Францию натурально пригнул к земле жесточайший каникюль – невыносимая жара, когда температура поднималась до сорока градусов в тени, источники пересыхали, леса горели, люди умирали от духоты и обжигающего зноя, а садоводам и огородникам запрещалось поливать свои участки в целях сбережения воды, вся Франция с суеверным ужасом ждала каждого нового лета. Правительство (сменившееся с тех пор) с завидным постоянством предупреждало, что уж в нынешнем-то году новый каникюль неизбежен, и рапортовало по телевидению о принятых для народного спа-

сения мерах. Но лето проходило, и народ, в ужасе затаивший дыхание, с облегчением его переводил. Сейчас ситуация сложилась та же самая – август перевалил за середину, каникулярного рецидива опасаться уже не приходилось, погода милосердно чередовала дни нормально-жаркие с нормально-дождливыми. И эти дожди никак не охлаждали Алёнину страсть к утренним пробежкам.

Она вставала без четверти семь и умывалась тихо-тихо, чтобы никого не разбудить (спальни находились на втором этаже старого каменного дома, и ванная тоже). Ровно в семь Алёна была умыта и одета, но медлила спускаться вниз, а подходила к окошку, открывала его и ждала. Ничего особенного в том окошке видно не было: край красновато-коричневой черепичной крыши да часть пышной, ярко-зеленой, несколько уже ржавеющей кроны огромного каштана, усыпанного колючими шариками плодов, которые неожиданно раскрывались и с дробным стуком роняли на землю темно-коричневые зрелые каштанчики. Иногда в полумраке невозможно было понять, именно каштанчики падают на землю или дождевые капли гулко стучат по листьям. Но по утрам Алёна вслушивалась отнюдь не в их успокаивающий стук. Она ждала боя старых церковных часов. Скат крыши загораживал колокольню от ее глаз, но она отлично знала, что часы – вон там, правее. И сейчас, в семь часов, они пробьют девять раз...

Ну да, вот такие это были часы. Старые-престарые, мо-

жет быть, водруженные на колокольню в том же самом XIV веке, когда был построен храм в Муляне. Когда они били девять, то, значит, сейчас семь. Потом, в положенное время, они отбивали восемь, потом – нормальные девять, ну и так далее. Алёна обожала мулянские часы. С их боем у нее были связаны некие странные воспоминания ⁹, которые она предпочитала держать в тайниках своей души, запрещая им воскресать. Вообще, в тех самых тайниках скопилось столько запретных воспоминаний, что им было тесно, они иногда высывались наружу и начинали колотиться – в точности как «умные мозги» Страшили Мудрого!

И все же Алёна каждое утро упорно ждала боя часов. Для нее это был ритуал. Бургундский ритуал. О, какое название для романа! Бой часов, и стук каштанов о землю, и блеклый свет, пробивающийся сквозь тяжелые решетчатые ставни ее спальни... Крепежи для ставен были сделаны в виде маленьких монашеских голов в низко надвинутых клобуках. Со временем монахи порядком заржавели и поднимались в своих пазах с трудом, так что Алёне приходилось прилагать немало усилий, чтобы закрепить открытые ставни. Она высывалась из окна сильно-сильно, испытывая небольшой страх. Она вообще боялась высоты, пусть даже высоты второго этажа. Но все равно постоянно высывалась и встревоженно поглядывала вниз, на старое крыльцо. В прошлом

---

⁹ Об этом можно прочесть в романе Е. Арсеньевой «Поцелуй с дальним прицелом», издательство «Эксмо».

году она лично замостила его каменными плитами и жутко гордилась собой, и задирала нос, и размышляла, что воздвигла себе теперь аж два памятника: один – нерукотворный – в виде многочисленных, нет, ну в самом деле многочисленных своих детективчиков, а другой – в виде замечательно стилизованного под XIV век крылечка в столь любимом ею мулянском доме. Чтобы не думать о том, как она будет выглядеть на каменных плитах, если потеряет равновесие и свалится из окна, Алена косилась на старинный и тоже каменный водосток, невероятно красиво пересеченный длинной плетью плюща, и, залюбовавшись, переставала бояться, успокаивалась. Плющ здесь был кругом: низкая ограда была обвита им, и стены дома со стороны двора, и старинный колодец, давно заглохший, и чахлые сливы в глубине запущенного сада... И по обочинам тех дорог, по которым любила бегать Алёна, плющ, случалось, так густо заплетал деревья и кустарник, что прорваться через эту живую изгородь было невозможно, особенно если кустарником оказывалась дикая ежевика или шиповник. И как же он цвел, тот плющ! Роскошными гроздьями мелких блекло-белых цветов, чей аромат схож с ароматом липы.

Ну так вот. Дождавшись с колокольни девятого удара, означавшего семь часов утра, Алёна крадучись спускалась по невыносимо скрипучим ступенькам рассохшейся лестницы, каждый раз мысленно бранясь, обмирая и недоумевая, почему в каменном доме XIV века нельзя было выстроить

каменную же и нескрипучую лестницу. Внизу, на кухне, она варила кофе, потом вылезала на знаменитое крыльцо через окно (двери были закрыты на скрипучие, дребезжащие замки, и Алёне не хотелось ни время на них терять, ни шум поднимать), перепрыгивала через каменную оградку террасы на асфальт и так же крадучись шла по Муляну, стараясь не спугнуть собак, которые все равно, почуяв ее, начинали громогласно выражать свои чувства. Иногда она медлила около крыльца, не зная, какую из дорог, ведущих из Муляна, выбрать: на Аржантей, на Френ, на Сен-Жорж, на Нуайер, на Тоннер или на Самбур. Везде были свои чудеса, свои красоты... Она любила там все, она знала там каждый метр: обочины, поросшие репейником; косягоры, затянутые зарослями дубняка; яблоневые сады и виноградники на склонах, шелест сухой листвы в узких тоннелях между обрывами, когда чудится, будто вслед тебе несется незримый велосипедист; рощи грецкого ореха; просторные, недавно сжатые поля; распаханные при дорогах; таинственные фермы вдали; дорожные указатели, окруженные клумбами; силуэты деревенских колоколен, возникающие вдруг в просветах между деревьями; свист скоростных поездов неподалеку; просеки в прохладных лесах, где запросто можно увидеть косулю, которая вдруг замрет в прыжке, глядя на тебя, – и немедленно исчезнет, как призрак... Все прекрасно, призрачно, недолговечно. И все чужое – другая реальность, другая страна, другой мир, другая Вселенная... И почему все так дорого, так

близко ее душе здесь, в этой чужой стране? Загадка!

Ладно, без драм, как говорил один персонаж любимейшего романа, без драм!

Сегодня проблема выбора направления для утренней пробежки не стояла: Алёне предстояло отправиться в Нуайер. Морис завез в Мулян свое семейство в виде Марины, пятилетней Лизоньки, двухлетней Танечки и примкнувшей к ним Алёны – и вернулся в Париж работать. Холодильник был забит продуктами, но что-то забыли купить (например, сметану), что-то кончилось (например, соль). Магазины в Муляне не имелось, и, хоть каждый из соседей счастлив был бы съездить в Тоннер и привезти милой Марин из тамошнего супермаркета чего ее душевненько угодно, Алёна, которая терпеть не могла никого ни о чем просить, предпочитала отмахиваться ни свет ни заря с пустым рюкзаком за шесть километров в Нуайер – и проделать обратно весь путь с рюкзаком полным. Это был истинный кайф для фанатичной шейпингистки, лишенной здесь, в бургундской глуши, привычного и такого необходимого ей спортзала.

Итак, Алёна бежала в Нуайер. Дождик начал накрапывать сразу, лишь только она отошла метров на десять от дома. Да хоть бы он и застал ее на знаменитом рукотворном крыльце-памятнике – все равно вернуться за зонтиком было невозможно, чтобы не нашуметь, то есть невозможно вообще. Да и ладно, не сахарная – не размокнет. А может, тучки еще разойдутся. Она миновала ворота усадьбы Жоффрея Пуссо-

ньера, раскланявшись с его огромным псом по имени Атлет – их только вчера познакомили, и они с Алёной немедленно прониклись самой жаркой привязанностью друг к другу. Облобызавшись с Атлетом и поздоровавшись с его жаркоглазым хозяином, она побежала дальше. На окраине деревни, как всегда, воровато оглянувшись, свернула на обочину, подобрала с земли упавшее яблоко – огромное, красное, – потом еще пару и наконец вернулась на дорогу. Два яблока она сунула в свой пустой пока рюкзак, а от третьего, небрежно обтерев его о шорты, откусила – и даже зажмурилась от щекочущего остро-сладкого вкуса. В магазинах таких яблок не бывает. Никогда!

Хрумкая яблоком, она трусила по пустой дороге. Дождь усиливался. Алёна старалась не думать о том, что вымокнет насквозь. До Нуайера еще километра четыре. Хороша же она там будет... А потом обратно шесть, и все в гору. Нуайер лежал в низине, попасть туда было – делать нечего, а вот выбраться... да еще с рюкзаком...

Ну, и что проку думать о неизбежном? Алёна гнала от себя мысли о дожде, стараясь угадать, что так интригующе побрякивает в такт шагам в ее пустом (яблоки она уже съела) рюкзаке. Ах да, это солнечные очки! О чем она думала, когда сунула в рюкзак очки в такой день? Нужны они ей, как рыбе зонтик! Кстати, зонтик сейчас очень не помешал бы...

Лицо ее было влажным, и с волос начало капать на шею. Дышалось непривычно тяжело – трактор методично коле-

сил по полю в стороне, где то ли рассыпали, то ли распылили удобрения, и этим ранним утром аромат Бургундии был отравлен аммиачным, а может быть, азотным или калийным духом, сильно прибитым к земле тяжелым туманом.

Как надоед дурацкий трактор со своим рокотом... Всю романтику отравил! Мотается от края до края поля, и Алёне кажется, что тракторист разглядывает ее как-то особенно пристально.

Да нужна ты ему, смотреть на тебя, подумаешь, красота несказанная!

Сегодня как-то было все не так. Бабушка, помнится, говорила, когда настроение ни с того ни с сего портилось: «Будто через жабу переступила». Вот именно. Та ужасная старуха, которая смотрела на Алёну из крайнего дома Муляна, была похожа на жабу. Белую, раздутую, бородавчатую... Говорят, если часто брать жаб в руки, покроешься бородавками, во-первых, ну и дождь пойдет, во-вторых. Алёна поздоровалась со старухой, похожей на жабу. Вот та все и испортила своим мертвенным взглядом. Дождь уже идет. Да ну, ерунда, ведь он начался еще до встречи со старухой. А настроение... Ничего, через несколько минут Бургундия свое возьмет!

Трактор приблизился к обочине, и Алёна увидела, что тракторист и впрямь смотрит на нее очень внимательно. Бывало такое, что особенного... Но ей всегда улыбались, кивали, махали: французы – народ приветливый, а с хорошенькими длинноногими женщинами в шортах – вдвойне привет-

ливей. А сегодня дядька паялился недобро, молча.

А ну как съедет сейчас на дорогу... Трактор вроде бы неуклюжий, но ведь от него не убежишь!

Что за дурь в голову лезет? Зачем ему съезжать на дорогу и гоняться за ней!

А между прочим, симпатичный он мужик, тот тракторист. Горбоносый, черты правильные, на голове каскетка козырьком назад.

Да и ладно, попялился, развернулся – да и отъехал по своему маршруту. И в мыслях у него, оказывается, не было ничего криминального. Ох уж эти дамы-детективщицы с их неумным воображением!

Дорога пошла вверх. Крыло леса изогнулось вокруг огромного поля. Красотища, бог ты мой! Когда Алёна пробежала здесь в прошлый раз, тоже было раннее утро, и на каждом кустике, на каждой веточке висели крохотные круглые паутинки. Туман оседал, над ним вставало солнце, на каждой паутинке сверкали капли росы – глаза слепила их алмазно-брильянтовая игра! Особенно смешно паутинки смотрелись на проволочной изгороди. Ну прямо кружевные салфеточки, развешанные для просушки! Интересно, почему все пауки в ту ночь расстарались? Уж наверняка целая ночь нужна, чтобы такую паутинку сплести... Может, у них проходил конкурс «Лучший по профессии»?

На дальней обочине мелькнуло что-то белое. Какой-то цветок? Алёна приподнялась на носках, балансируя, взгляды-

ваясь. Ой, гриб... Ого, какой большущий! Насколько видно отсюда, похож на огромный шампиньон... Впрочем, по-французски гриб так и называется – *le champignon*. Но этот и в самом деле очень похож на то, что имеем в виду под шампиньонами мы, русские.

Удивительно, почему она раньше никогда не видела, как растут шампиньоны в натуральных условиях? Подосиновики – видела, и подберезовики, и белые, и лисички, а также всякие сыроежки-грузди-волнушки-маслята. И мухоморы с поганками. А вот шампиньоны – только в магазине.

Какой интересный гриб. Может, подойти, посмотреть? Попробовать его? Нет, трава мокрая, кроссовки сразу будут насквозь. Ей еще идти и идти, мокрые носки ноги натрут. Лучше не надо туда лезть, в такую траву, хоть и жаль. Алёна обожала сырые грибы. Сырые шампиньоны с майонезом и зелеными оливками – одно из самых любимых ее блюд. В свое время она приучила к нему Игоря, и...

Алёна резким взмахом выкинула из головы Игоря вместе с шампиньонами и побежала вперед.

Дорога снова пошла вниз, резко вниз. Теперь так до самого Нуайера... До чего приятно вниз бежать! Дождь не успевает за Алёной. Туман зацепился за вершины деревьев, залег в старом шато ¹⁰ на горе. Ага, поворот с огромным рекламным щитом какого-то Роббера Гениффа, поставщика фруктовых ликеров, вин белых-красных, сидра и прочих напитков.

---

¹⁰ Шато (искаж. франц.). – замок.

ков, адрес его... Значит, теперь рукой подать до городских ворот. Слева – гора, где, собственно, и расположен знаменитый шато, каменная ограда, с которой свешивается дикий виноград, справа – река. На ней поразительная штука – старинная мельница с озерком при ней, шум воды, каменные изгороди, над ними яблоки висят, и снова виноград... Неромантично смотрятся здесь автомобили, а уж видеть их въезжающими в невыносимо средневековые городские ворота – глаз режет! Собственно, не так уж они велики, те ворота... Легко представить, что две телеги могли застрять тут и перекрыть все движение в город и из него. Они кажутся низковатыми длинноногой фактурной даме ростом 172 сантиметра, а для средневековых и весьма коротконогих бургундцев были, наверное, просто-таки очень высокими и просторными.

Алёна прошла под воротами, как бы со стороны уловив эхо своих шагов; обернулась. В нише стояла небольшая статуя – Мадонна с младенцем. На ее ручку, потемневшую от веков, дождей и времени, были намотаны четки из высохших ягод боярышника, имевших вид окаменелых. Очень может быть, подумала Алена, первые четки были именно из боярышниковых ягод, нанизанных на веревочки, а уж потом, позже, их стали делать из деревянных бусин или камушков. Ценная мысль, между прочим, надо бы записать. Но разве тут запишешь, если дождь льет все сильнее и сильнее? Скорей в магазин!

Наша героиня рысью пронеслась по узенькой улочке с по-

косившимися полосатыми, перечеркнутыми разноцветными деревянными балками домами вообще неведомо каких веков. Средних, очень средних, только и можно сказать! Зазвенев колокольчиком, ворвалась в магазин...

Моросить перестало, только когда Алёна уже покинула Нуайер и даже взобралась на гору. Здесь уже вовсю светило солнце, тумана не было и помину, небо совершенно прояснилось и стало прозрачным насквозь, а розы близ дорожного указателя – налево пойдешь – в Форет Брельто попадешь, а направо пойдешь – в Шампс Грийо забредешь, ну а там, внизу, позади, в двух километрах пути, Нуайер – раскрылись во всей своей красе. Алёна не удержалась и окунула лицо в одну из них, распустившуюся столь пышно, что вроде бы дальше и некуда. Окунула, значит, лицо, вдохнула божественный аромат и подумала, что с некоторых пор образ прекрасной, но уже увядающей розы все более навязчиво возникает в ее голове.

Она достала из заднего кармана шортов квадратное зеркальце и внимательно осмотрела в нем свою мордашку (фрагментарно, конечно). Ничего, весьма и весьма, а все же... все же вянут даже самые лучшие розы!

Несмотря на некий пессимизм этой мысли, она заслуживала того, чтобы быть зафиксированной. Алёна похлопала себя по попе – в смысле по задним карманам – и выяснила то, в чем была почти уверена: блокнот благополучно забыт

дома. А ведь давала, давала себе слово всегда носить его с собой! Столько впечатлений, а голова дырявая, и память у нее как была по жизни девичья, так и осталась. С другой стороны, она ведь Дева... Алёна достала из рюкзака ручку (вот ручку она почему-то никогда не забывала!), свернутый вчетверо листок, на котором был список, что купить в магазине, повертела его, нашла свободную четвертушку и принялась строчить своим неразборчивым, сильно склоненным влево почерком.

Начала она с роз, которые, как ни печально, вянут-таки, потом в голову прибрела толстая, какая-то колбасообразная такса, виденная в Нуайере. Такса ходила между выставленными на тротуар столиками открытого кафе и старательно, по-хозяйски писала под каждым. Такса вполне могла пригодиться в каком-нибудь романе! Алёна запечатлела ее на обрывке, но тут же ассоциации пошли дальше, и она занесла на листочек еще одно нуайерское впечатление: о том, как какой-то местный пес с утра пораньше успел оставить провокационную кучку под колесами мирно дремлющего черного «БМВ».

«Поскольку бродячих собак в здешних местах не может быть, потому что их не может быть никогда, – писала Алёна, отходя подальше на обочину, чтобы не угодить под колеса темно-зеленого «джипа», неожиданно промчавшегося мимо (ага, ну прямо такая неожиданность – автомобиль на шоссе!), – и вообще без присмотра собаки не гуляют, то лег-

ко представить себе злорадного хозяина того пса. Наверняка тут бушевали какие-то маленькие бургундские провинциальные страсти, и слова Лескова о том, что иной раз в наших местах задаются такие характеры, что, как бы много лет ни прошло со встречи с ними, о некоторых из них никогда не вспомнишь без душевного трепета, вполне могли быть применимы и здесь». Щегольнув перед собой своей памятью (ага, не такая она, значит, и девичья, и голова, стал-быть, не настолько уж дырявая!), наша героиня принялась писать о нуайерских впечатлениях дальше: «И очень может быть, из-за какого-то из узких окон сейчас за мной наблюдает местная леди Макбет Мценского уезда... в смысле, Нуайерского...» Немедленно вспомнилась старуха, которую Алёна видела утром, выбегая из Муляна, и настроение моментально полиняло. Плохо быть старой и страшной...

Алёна потрусила по дороге, придерживая за лямки изрядно набитый рюкзак, иногда вспоминая что-то и останавливаясь перевести дух, а заодно заполнить немногочисленные пустые клочки своего листка заметками такого рода:

«Галки искали удачи над свежевспаханном полем. Своей удачи искал самолет высоко в поднебесье – так высоко, что он был почти незрим, лишь осязаем той дрожью, что небо колеблет и землю. Не чует того человек, лишь крылья у птиц ощутимо трепещут».

Ну да, вот нравилось ей порой запулить немножко такого-этакого... гексаметрового... В романчик подобное вряд

ли вставишь, но само собой приятно, что она способна на стилизацию.

Алёна сунула листочек в карман рюкзака и направила свои быстрые ноги дальше.

Трактор, все тот же утренний красный трактор, по-прежнему мотался туда-сюда по полю, то ли вспахивая, то ли запахивая, то ли взрыхляя, то ли разрыхляя, но Алёна уже не обращала ни на него, ни на тракториста никакого внимания. А вот он – тракторист, само собой, а не трактор – смотрел на длинноногую бегунью очень внимательно.

Интересно, какого черта она моталась в Нуайер пешком? У него не укладывалось в голове, что у кого-то может не быть машины или кто-то не умеет ее водить. А если даже авто все же нет, кругом полно соседей, которые запросто привезут все, что надо, хоть из Нуайера, хоть из Тоннера, хоть из самого Дижона. Ни один нормальный человек не потащится в магазин с рюкзаком. Из Муляна туда и обратно целых двенадцать километров! В крайнем случае могла бы сесть на велосипед...

Конечно, он не мог знать, что Алёна не умеет ездить не только на автомобиле, но и на велосипеде. У нее были проблемы с балансом, что стильно осложняло ей в свое время жизнь на уроках танцев. Или упрощало – потому что при каждом рискованном повороте она теряла равновесие и сваливалась в объятия Игора...

Так, забыли. За-бы-ли!

Игоря здесь нет. И не будет. Здесь есть тракторист из Муляна, который задумчиво смотрит на Алёну и никак не может понять, что длинноногая русская кукла делает на лесной дороге с рюкзаком за плечами. Пробежка, ладно. Спорт, так и быть, понятно. Но почему она что-то пишет? Что она пишет, черт бы ее подрал?

Алёна бежала дальше. Мысли у нее в голове скакали, как персики в рюкзаке. Взгляд рассеянно блуждал по сторонам, и Бургундия порой пронзала ее в самое сердце. Эти купы дубов... Этот усыпанный темно-красными ягодами боярышник и черный от избытка плодов терновник... Плети плюща, вылезшие на асфальт... Эдельвейсы в укромном, тенистом уголке под лиственницей, репейники при дороге... Ох уж эти репейники! Все красивые. Но почему-то именно вон на тот слетелись и пчела, и шмель, и несколько мух, и мохнатая гусеница извивается на колючем листе... Медом им там намазано, что ли?! Кругом полно других, таких же красивых.

Ага, вот точно так же слетались, сползались, сбегались все особы женского пола к Игорю, хотя рядом было полно и других мужчин, таких же красивых.

Нет, он был один. Он был один-единственный такой!

Он был единственный в моей жизни.

Так подумала Алёна, тупо глядя на другой цветок, из которого торчала половинка туловища гусеницы. Вторая половинка была скрыта плотно сомкнутым венчиком. Гусеница погибла, то ли упившись нектара, то ли удушенная ароматом

цветка, и наглая муха уже кружила над ее безжизненным телом.

Алёна перевела дыхание, смахнула с голого загорелого плеча наглую муху и поскорей достала бумагу и ручку. Работа и *в прошлой жизни* помогала ей удерживаться от перманентных рыданий. Надо надеяться, поможет и сейчас!

«Уходя из Нуайера, перед городскими воротами я видела такого странного мужика! Он был похож на средневекового ломбардского купца. Бог его знает, какие они были, те самые ломбардцы, но, наверное, именно с такими же тяжелыми, синими от проступившей щетины лицами сатиров, с золотой серьгой в ухе, в таких же коротких, до колен, широких и ярких штанах, открывающих мощные, загорелые, густо поросшие волосами голые ноги, сунутые в красные кроссовки. Хотя оставался открытым вопрос, носили ли ломбардские купцы кроссовки и ездили ли на велосипедах. А этот ехал».

Алёна усмехнулась и, в который уже раз сунув мятый листок в рюкзак, снова побежала по дороге.

Тракторист, положив подбородок на стиснутые кулаки, мрачно смотрел ей вслед.

Что ж та длинноногая пишет?!

Знал он одного такого... писателя. Вернее, то был журналист. Писал для исторических журналов. Тоже мотался по дорогам со своим блокнотом. Правда, он ездил на велосипеде. Его нашли потом под насыпью на дороге во Френ. Нашли мертвого. Нет, его не машина сбила. Просто остановилось

сердце. Доездили!

Тракторист мотнул головой, отгоняя неприятные воспоминания, и дернул за рычаг. Трактор зарычал и снова покатил по полю.

Наше время.

Все тот же день в начале августа, Москва

– Она! Опять она! Сука!

– Зараза чокнутая!

– Из Парижа? Она из Бургу-у-у-ундии вернется в Пари-и-и-ж... Вот падла. Бургундия, мать ее так! Париж, блин! Я тут носом землю рыл, пытаюсь пробиться в группу, которая в Западной Европе работает... Да где там, харей не вышел, родословная подкачала. А она, тварь занудная, в Бургундию! В Париж! На пляс Пигаль!

– Ну, у меня такое ощущение, что на пляс Пигаль она вряд ли пойдет. Да, вот представь себе. Могу спорить.

– Издеваешься?

– Ага. Причем и над тобой, и над собой. И пусть лучше пока я поиздеваюсь, хуже будет, когда другие начнут, если она снова позвонит. Нам с тобой тогда мало не покажется...

– А ведь у нас в Париже есть люди, которые могут обеспечить ее молчание. И наше спокойствие. Ты можешь передать приказ – и все.

– И как ты это себе представляешь? Ведь все же сразу станет известно! И как я объясню, почему отдал такой приказ? Нет, полная бредовина. Мы даже не знаем, как ее зовут.

– А что, разве трудно узнать? У тебя же есть коды, которые охраняют клиентскую базу МТС?

– Ну, есть. И что? Ты хочешь, чтобы я ломал базу с офисного компьютера? Сразу навел на наш след секьюрити МТС?

– Давай с мобильного в Инет выйдем.

– Проследят по номеру.

– Да он на чужое имя, не дрейфь.

– Ну что ж, попробуем. Погоди, сейчас поковыряюсь... ага, вот эти пароли... Нижний Новгород, МТС, 910... Какой там второй блок цифр?

– 597.

– Ну, смотрим... смотрим... смотрим... Теперь третий блок... Ага, есть. Нашел!

– Здорово! Кто она?

– Вот, смотри – Ярушкина Елена Дмитриевна. Домашний адрес...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.